МИХАИЛ СТРОГАНОВ

АЗБУКА ЖИЗНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Азбука жизни" — это правдивая история о том, какими были, как жили, о чем думали, к чему стремились обыкновенные советские дети. Какой была их Родина — Советский Союз, как ощущали они свою страну, учась любить её не по учебникам, а проживая вместе с ней день за днем. Как верили они в свою советскую власть, ощущая себя неотъемлемой частью самого справедливого государства на Земле, самой большой и дружной семьей на свете с коротким и гордым названием СССР.

- Строганов Михаил Сергеевич
  - Время начинать…
  - А — Аист
  - Б — Божья коровка
  - В — Вокзал
  - Г — Газета
  - Д — Домино
  - Е — Ералаш
  - Ё — Ёлка
  - Ж — Женщина и Мужчина
  - З — Звёздочка
  - И — Игрушки
  - Й — Йод
  - К — Космонавт
  - Л — Лето
  - М — Мотоцикл
  - Н — Наполеон
  - О — Одежда
  - П — Пионерия
  - Р — Робот
  - С — Столовая
  - Т — Телевизор
  - У — Управдом
  - Ф — Фотоальбом
  - Х — Хлебушек
  - Ц — Цирк
  - Ч — Чай
  - Ш — Школа
  - Щ — Щука
  - Ы — Операция "Ы" и другие приключения
  - Э — Эскимо
  - Ю — Юга

- ○ Я и снова я
- ○ Вместо Ъ и Ь знаков

Строганов Михаил Сергеевич
Азбука жизни. Вспоминая Советский Союз

Время начинать…

Странная вещь — Время. Даже в научном понимании необычное и непонятное: философы утверждают, что время категория философская, физики — физическая, а биологи, соответственно, тянут его на себя, утверждая, что время существует не само по себе, а лишь как форма протекания физиологических и психологических процессов. Убери из вселенной все живое — и времени больше не будет. Нет, оно не остановится, не исчезнет, просто не будет никого, чем бы оно измерялось и для кого бы оно существовало. Поэтому Время это категория Жизни. И пока мы живем и существует время, и оно зависимо от всех нас, так же и мы зависим от него. Исчезнет Жизнь — исчезнет и Время, станет великой пустотой, безвременным вакуумом.

И если Жизнь — государыня бытия и мать всего сущего, то Время — ее преданный слуга, который как герой русских сказок, "зачарован и околдован" своей царицей. Оттого Время бывает таким непостоянным и разным — как сама Жизнь.

В захлестнувшем информационном потоке, в круговерти времен и событий, мы забываем простые, "азбучные" истины Жизни, на которых мы воспитывались и благодаря чему мы стали людьми. Это случается потому, что Время слуга усердный, бежит впереди, и Жизнь очень часто за ним не поспевает. Именно из-за такого "временного разрыва жизни" появляется проблема "потерянных поколений и лишних людей". На самом деле, у Жизни ни лишних, ни потерянных не бывает: все ее дети, все на своем месте, все в свой черед…

Вот потому решил, дорогой Читатель, пролистать вместе с тобой прописную "Азбуку Жизни", каждое слово ее премудрость, которая научит не заблудиться в трех соснах, не сбиться с верного курса, которым ведет нас Жизнь.

Каждое слово этой Азбуки — прибавление "ума-разума", домашнее задание и верная подсказка на уроках Жизни.

Давным-давно само изучение алфавита после зубрежки и чистописания вдруг раскрывалось для школяра высочайшей премудростью, когда учитель открывал, что в простых буквицах скрыто наставление Божие о мире и о человеке.

Простые и незамысловатые "А, Б, В" вдруг превращались в таинственное и возвышенное постижение мира: "Азъ, Буки, Веде, Глагол… Я Бога знаю, речь мое достояние, живу на земле, и как подобает людям, постигаю мир, говорю Слово твердо, наполняюсь, обогащаюсь Им…"

Как наши далекие предки постигали тайны мира по азбуковнику, почти молитвенно читая и истолковывая буквицы, так и мы попробуем составить свою "Азбуку Жизни", воздвигнуть ее, подобно мосту, соединяющему наше советское вчера с совсем еще новым и непонятно что готовящим завтра.

Постичь самих себя, свое драгоценное прошлое, увидеть свое отражение в настоящем — все равно, что перекинуть жердочки над пропастью глупости и ошибок. Построим мост и пройдем по нему в будущее, но уже не на поводке у переменчивого Времени, а в ногу с мудрой Жизнью…

А — Аист

Удивительные вещи вытворяет время с нашей памятью: что-то приукрашивает, что-то подправляет, а что-то и вовсе стирает, как будто происходящего и прожитого и не было никогда.

Время — великий иллюзионист. Даже когда мы точно помним о том, что некогда согревало наши сердца и чем были заняты наши мысли, сегодня это воспринимается как нечто нереальное и имеющее к нам такое же отношение, как и происходящее на экране кинотеатра.

Ещё совсем недавно мы были "там": любили, боролись, переживали… Но вот пошли по экрану титры, загорелся свет — сеанс окончен. Мы вышли из зала и оказались в совершенно ином мире. Но мире каком для нас? Только что переживших "бурю эмоций" — чужом, а на самом деле — родном, но только слегка позабытом…

Если перефразировать название известного фильма, то можно сказать, что "все мы родом из детства". А тогда, в 1960-е, 70-е и даже 80-е, мало кто сомневался, откуда и каким образом он появился на свет, пришел из ниоткуда в этот мир. Известное дело: "Аист принес"! Так что в известной мере все мы друг другу родня. По аистам.

Почему говорят, что детей приносит именно аист, достоверно сказать нельзя. Любой ответ будет построен на домыслах и предположениях. Но в этих птицах действительно есть много интересно и необычного, настолько символичного и значимого, что предания и легенды о них существуют уже не одно тысячелетие.

Аисты удивительные птицы. Они не только создают семьи, но и на всю жизнь сохраняют родственные связи. Родители заботятся о птенцах, а те, когда вырастут, кормят старых родителей. Не у всех людей такое встретишь.

Аисты любят жить рядом с людьми, по-соседству. Причем такое "подселение" у всех народов считается величайшей радостью и благословением, а убийство аиста или разорение его гнезда почиталось ужаснейшим преступлением, дурным предзнаменованием, смертным грехом, который приведет проклятие и на самого злодея и на весь его род. Дом, на котором аист свил свое гнездо, защищен от не только от бед, но и от сглаза.

Считалось, что присутствие аиста знаменует собой надежду. И как бы ни было тяжело сегодня — завтра обязательно станет лучше. Этот жизненный опыт подтверждался из поколения в

поколение, из народа в народ, поэтому гнезда аистов не трогали даже в голодные времена.

С аистами связано множество примет, которые привелось слышать не только от собственных бабушек и дедушек, но и от случайных людей, заставших "старые времена" и прежнее "житье-бытье".

Так, по поверьям, увидеть аиста во сне считалось редкой удачей, обозначавшей прибавление и приумножение. Прибыль, по-современному. Еще большим и практически невероятным везением было, если аист прилетит во двор и примет что-нибудь из рук. Такой счастливчик может обосновано полагать, что жизнь удалась. Все народные суеверия и приметы про аиста связывали его с эталоном счастья. Обыкновенного, земного, о котором мечтают и которого так часто не хватает…

Удивительно, но в прежние годы, когда религиозные взгляды не поддерживались, аист стал у советского человека неким символом веры, доброты и справедливости. Всем памятны стихи Анатолия Поперечного, которые читали на утренниках и пели на концертах многие исполнители:

Где это было? Когда это было?
В детстве, а может, во сне? —
Аист на крыше гнездо для любимой
Свил по весне.

Чудился мне он и в странствиях дальних
Символом верной любви.
Люди, прошу, не спугните случайно
Аиста вы.

Люди, прошу я, потише, потише.
Войны пусть сгинут во мгле!
Аист на крыше, аист на крыше —
Мир на Земле.

Аист на крыше гнездо с аистёнком
Ночью и днём бережёт.
Ну, а в том доме, под крышей, девчонка
Счастья так ждет.

Люди в Нью-Йорке, в Берлине, в Париже,
Верьте друг другу и мне:
Аист на крыше — счастье под крышей
И на Земле.

Сегодня уже немногие помнят о другой замечательной песне "Аист", которую пела Майя Кристалинская в 1969 году. Между прочим, ею заслушивалось не одно поколение добрых, честных, талантливых, трудолюбивых людей. Для многих она стала посланием "из детства". Символом веры, надежды и любви, которые были, есть и будут жить в наших душах.

"Еще сады не распускались
В ответ на первое тепло,
А я гляжу: знакомый аист
Над крышей выпрямил крыло.

Ах, здравствуй, аист,
Мы, наконец, тебя дождались!
Спасибо, аист, спасибо, птица,
Так и должно было случиться…

Ты помнишь, как мы расставались,
Как догонял тебя мороз?
Ты не забыл наказ, мой аист,
И сына-первенца принес.

Промчится лето золотое,
Мой сын научится шагать.
Настанет осень — выйдут трое
Тебя в дорогу провожать…"

Б — Божья коровка

Каждый живет по-своему, имеет свои пристрастия и представления по любому случаю жизни. Это хорошо, что все мы такие разные. Так интересно встречать непохожих друг на друга людей, обладающих не только разными вкусами и мнениями, но и драгоценным жизненным опытом. Вот когда воистину подтверждается поговорка, что одна голова — хорошо, а две — ещё лучше!

Это и плохо — попробуй каждого понять и договориться! Оттого и выходят в нашей жизни все проблемы: вроде бы говорим по-русски, а прислушаешься, то оказывается, что разговариваем на разных языках! Ты ему про Ивана, а он тебе про болвана.

Вот потому нам так дороги и так значимы самые простые понятия и слова, которые для всех одинаковы, потому что сформировались в нас тогда, когда все мы еще "под стол пешком ходили".

Детство — особый, сказочный мир, когда всё вокруг большое, люди — поголовно мудрые и даже старшеклассники кажутся невероятно серьезными и взрослыми.

Когда мы маленькие, то видим жизнь в особенном фантастическом свете, находим в ней особые закономерности, которые ни объяснять, ни, тем более, доказывать не надо.

В детстве время течет по-особенному. День в нем невероятно длинный, а ночь мимолетна и длится не дольше, чем горит спичка. Не успел в кровать лечь и закрыть глаза, а уже утро!

Но самым фантастическим является открытие для себя окружающего мира, когда каждая бусинка представляется невероятной ценностью, каждая букашка — разумным и, непременно волшебным существом.

Божья коровка самое загадочное существо, с которым знакомится ребенок. Эта маленькая защитница садов и огородов от тли, паутинных клещей, червецов и щитовок, которых невозможно извести никакими химикатами. Этот грозный жучок, на которого в природе никто не охотится, благодаря его способности защитить себя едким "оранжевым молочком", проявляет удивительную терпимость к людям.

Божья коровка — как спасительница от вредителей снискала себе всенародное уважение и почтение. В Средневековой Руси даже считалось, что они произошли из бус Богородицы, которая, чтобы спасти людей от напастей, рассыпала по земле свои бусы. Поэтому убить и даже случайно раздавить божью коровку считалось очень дурной приметой. Неслучайно русские крестьяне

еще в XIX веке говорили: "Божию коровку никогда не убивай — бедой обернется".

Сохранилось поверье, что божья коровка понимает человеческую речь и передает слова святым Ангелам.

Существует так же примета, что если божья коровка сама приземлится человеку на руку, значит, в скором времени он получит желаемое, а если сядет на лицо, значит, вскоре человек кому-то станет мил.

И правда, у кого в детстве не замирало сердце, когда по его пальцу неспешно ползла божья коровка? Прелестница в панцире причудливо раскрашенном "под мухомор". Только не в белый, а черный "горошек".

Обязательной задачей каждого считалось как можно скорее отправить её на небо. Домой. Для чего требовалось прочитать особое наставление.

Каждый ребенок знал его "назубок", причем зачастую текст был свой собственный, отличный от других. Наиболее действенным считался тот, у кого присказка оказывалась не только самой продолжительной, но и самой содержательной.

Как только появлялась божья коровка, дети тут же собирались в кружок и счастливчик, на чьем пальце оказалась красная или оранжевая красавица, начинал распевать своё заклинание, наподобие этого:

Божия коровка улети на небо,
Принеси мне хлеба:
Черного и белого,
Только не горелого.
Сушек и плюшек,
Сладеньких ватрушек.
Там твои детки
Кушают конфетки,
Всем ребятам раздают,
А собакам не дают,
Они сами достают…

Считалось, что на этих словах даже самая нерасторопная и загостившаяся на земле божья кроха стремглав умчится на небо. Видимо, чтобы приструнить обнаглевших собак.

Интересное наблюдение: многие взрослые, которые до колик боятся любых насекомых, тем не менее не брезгуют божьих коровок. Даже относятся к ним с симпатией. Такова память нашего детства!

В — Вокзал

Сегодня трудно вообразить, каким таинственным, притягательным и, в некотором роде, фантастическим местом обладал вокзал в сознании советского человека.

Режиссеры обожали снимать его в кино, раскрывая самые драматические и романтические сцены. Художники с удовольствием изображали вокзал. Причем не только советские. Традиция эта уходит в XIX век, когда основатель импрессионизма Клод Моне написал 12 картин "Вокзала Сен-Лазар", изображающего его в разную погоду и время, так что пришедший на выставку ошеломленный зритель видел аналог современного 3-D изображения.

Вокзал вдохновлял советских поэтов, композиторов и певцов, которые с удовольствием воспевали вокзал. Всем памятны песни из 1970-х:

> Прощай от всех вокзалов поезда
> Уходят в дальние края…

Или

> Люди встречаются, люди влюбляются, женятся.
> Мне не везет в этом так, что просто беда.
> Вот, наконец, вчера вечером встретил я девушку.
> Там где тревожно гудят, стучат поезда.
> В свой вагон вошла она.
> Улыбнулась из окна.
> Поезд тронул, а я вслед
> Лишь рукой помахал ей в ответ…

Почему вокзалы обладали такой притягательной и завораживающей силой? В годы, когда цветной телевизор с двумя каналами вещания казался чудом техники, он был реальным окном или, как бы сказали сегодня, "порталом" в большой и прекрасный мир.

Вокзал неизменно вызывал чувство приятного волнения. Как свидание. Как поход в театр.

Его романтика поджидала уже на подходе. Когда город спал, вокзал жил своей по-особенному оживленной жизнью: сновали такси, работали киоски и буфеты, над перронами звучали

громогласные объявления. А газетные киоски? Очень часто в них продавали "дефицитную прессу", которую в обычной "Союзпечати" было не достать. Трудно поверить, но за некоторыми изданиями специально ездили на вокзал!

На сидениях дремали, читали, оживленно беседовали граждане всех возрастов, слоев и национальностей. Здесь можно было встретить и организованных туристов-путешественников, и спешащих навестить родственников пенсионеров с необъятными сумками, и "помятых" командировочных с неизменными портфелями из кожзама.

На вокзалах завязывались отношения, невозможные в никаком другом месте: люди запросто рассказывали друг другу свои жизненные истории, просили совета, или, только познакомившись, доверяли "приглядеть" за вещами, когда случалось отлучиться…

Советские люди сходились невероятно просто на пять минут или на полчаса. И вот смотришь, уже и завязались отношения приятельские, а то и дружеские. Не было другого места, чем вокзал, где человек человеку был настолько "друг, товарищ и брат". И это несмотря на то что мошенников и жуликов в те времена тоже хватало. Но большинство умело безошибочно определять их "на глаз".

И, конечно же, на вокзале работал ресторан.

Чем был вокзальный ресторан ночью — объяснить практически невозможно. Особо любознательным посоветую послушать хотя бы песни Высоцкого. Цены, конечно, в нем "кусались", но и ассортимент был по высшему разряду!

Особая тема — вокзал в маленьких "райошных" городках и поселках. Там по своей популярности вокзал успешно конкурировал с Домом культуры. Местные сплетни и место встречи, приобретение дефицита и назначение свиданий — все крутилось у привокзальных площадей и площадок.

В 1960-70 годы вокзал становится самым романтическим местом в городе, где люди встречаются "может быть на минутку, может быть навсегда". Чувство вокзала переносилось на любое "судьбоносное" место, где людям было хорошо, и откуда начинался их новый совместный путь жизни. Об этом замечательно пел Александр Барыкин:

И тишина нас обнимала,
И мир ночной для нас затих.
И стал косматый лес вокзалом,
Вокзалом только для двоих.
И стал косматый лес вокзалом,

Вокзалом только для двоих.

Почему было так? Может быть и потому, что люди зачастую жили "на чемоданах". В смысле были готовы в любой момент собраться и сорваться с насиженного места: в отпуск ли, в гости, страну повидать. А то и сменить место жительства. В те годы это было просто. И ощущение того, что наша страна не просто большая, но необъятная и великая, начиналось именно с вокзала.

Г — Газета

Поколения, чье детство, юность или зрелость пришлись на 60-70-е годы XX века, хорошо помнят, чем была для людей газета. Какое место занимала в их жизни, причем, не только интеллектуальной, но и обыденной, бытовой.

Заявляю ответственно и без тени иронии: в те годы газета была важнейшим атрибутом жизни, спутником и помощником во всех делах. Сегодня это кажется невероятным, но тогда… Давайте вспомним, поностальгируем. Пусть память подарит нам немножко тепла и светлых мгновений нашего уютного и беззаботного "советского вчера"…

Сейчас, когда виртуальными становятся даже деньги (кто бы мог подумать, что вместо кошельков мы будем носить в кармане карточки), трудно представить, каким важнейшим средством связи с миром выступала газета. По своей емкости и функциональности ее можно сравнить разве что с подключенным к интернету планшетом. Чем толще и содержательней газета — тем продвинутей и навороченней планшет.

Итак, газета была самым что ни на есть продуктом массового потребления.

Несмотря на то что газеты массово выписывали с доставкой в почтовый ящик, что повсеместно они были в шаговой доступности во всевозможных районных и ведомственных библиотеках, что их попросту вывешивали на специальных стендах под стеклом, свежие номера очень быстро разбирали во всех многочисленных киосках "Союзпечати". Причем, за газетами стояли и покупали не по одной и не по две, а сразу по три-пять газет.

Выглядело это так: дождавшись своей очереди гражданин многозначительно перечислял: "Вечерку", "Советский спорт", "Литературную газету", "Комсомолку" и еще журнальчики "Советский экран", "Наука и жизнь" и "Технику молодежи" (если повезет). Затем с умным видом сгребал увесистую стопку периодики и довольный растворялся в "суете городов и потоках машин".

Подрастающее поколение и представить не может, насколько "жадным до информации" был человек лет 30–50 тому назад. По объему прочитанного в день никакие "интернеты" конкуренцию не составят. Люди "проглатывали" газеты и журналы от корки до корки буквально на закуску, умудряясь еще "выудить" и проанализировать информацию "между строк". Потому что в газете присутствовали не только новости и официальные

документы, в них было место и задушевному разговору о жизни, и обзор главных событий в стране и мире, и обсуждение насущных вопросов, и рассказ о выдающихся людях, и великолепная популяризация научных открытий, и острые фельетоны на злободневные темы, и лирические стихи, и калейдоскоп интересных событий и занимательных фактов. Неслучайно своеобразный "гимн газете" пропела популярнейшая актриса Татьяна Доронина еще в 1967 году:

Я мечтала о морях и кораллах,
Я поесть хотела суп черепаший,
Я шагнула на корабль,
А кораблик оказался из газеты вчерашней…

А кто не помнит выражение "Утром в куплете — вечером в газете", отражающее неразрывную связь прессы и жизни? В те годы "попасть в газету", пусть даже это и была заводская многотиражка, означало проснуться знаменитым. Такую заметку, особенно, если там была напечатана фотография, люди хранили всю жизнь (на память для потомков) и ценили намного выше почетной грамоты и даже денежной премии. Потому что газета как бы выражала человеку всеобщее признание и уважение. Люди искренне верили, если о ком-то пишут в газете, значит человек действительно стоящий.

В 1973 году главный поэт СССР Роберт Рождественский так определил самое необходимое в жизни человека:

Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете мама.
Сколько нужно ей — жила…
Человеку надо мало:
после грома — тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь — одну. И смерть — одну.
Утром свежую газету —
с Человечеством родство.
И всего одну планету:
Землю! Только и всего.

Разумеется, этим предназначение газеты не исчерпывалось. Прочитанная хозяином, а также его сослуживцами или родственниками, она продолжала свой долгий и разнообразный

жизненный путь.

Пожалуй, немногие помнят, что старшее поколение, отправляясь за серьезной покупкой, любило заворачивать в газету крупную сумму денег. И в кармане надежнее лежит и воры не вытащат незаметно — газетка ой, как шуршит!

А кто не встречал маляров с шапкой из газеты? Или "культурно отдыхающих" мужичков, наподобие персонажей Вицина, Никулина и Моргунова, использующих газету вместо скатерти? Или какой ремонт обходился без газет? Всем было прекрасно известно, что перед тем, как оклеить обоями стены, сначала их надо выровнять газетами. Собираясь на работу, в газету заворачивали так называемые "тормозки" — бутерброды для перекуса.

Газета была другом, собеседником, помощником. И как хорошо, что и в наше цифровое и обезличенное время, мы все еще имеем возможность взять в руки свежий номер своей любимой газеты. Совсем как в старые-добрые времена!

Д — Домино

Наши воспоминания можно сравнить с золотовалютным резервом, стратегическим запасом, позволяющим не просто жить, но и обретать необходимую устойчивость в любых ситуациях, самых непростых житейских перипетиях.

Давно заметил, что человек, безалаберно относящийся к своему прошлому, живущий "от сегодня до завтра", со временем становится внутренним банкротом, у которого за душой лишь шиш с маслом. Вот потому наша память, как и деньги, любит и свой счет, и свой порядок. Одним словом, ей требуется собственная бухгалтерия. Мы должны не позволять затеряться нашим бытовым зарисовкам, ежедневным мелочам, из чего, собственно, и соткано время нашей жизни.

Тем, кто не живал в прежние времена, трудно вообразить, как с наступлением весеннего тепла оживали дворы обычных многоквартирных домов. На этих маленьких пятачках возникало несколько очагов или эпицентров "культурной и общественной" жизни, где в соответствии с возрастом, полом и прочими интересами "кучковались" люди пожилого возраста, взрослые, подростки и маленькие дети.

Стоит отметить, что люди тогда не только знали друг друга в лицо, по именам и даже отчествам. Они в полной мере владели биографией соседей, свободно ориентировались в их родственных связях, а также были прекрасно осведомлены о всех текущих событиях их жизни. Начиная от крупных бытовых покупок и заканчивая тем, у кого что было на обед. Впрочем, подобная "прозрачность бытия" мало кому мешала и мало кого напрягала, потому что в большинстве случаев люди сами охотно рассказывали о больших и малых событиях своей жизни.

Одним из неизменных центров притяжения для всего мужского населения сразу нескольких многоквартирных домов был обычный наскоро смастеренный столик под "доминошную".

Каждый вечер, после напряженного трудового дня, все или почти все мужики собирались возле него "забить козла", то есть сыграть в домино. Эта внешне незамысловатая, а на самом деле очень увлекательная и сложная игра владела умами миллионов наших соотечественников. Не случайно одной из самых популярных поговорок, подчеркивающих значимость домино, была фраза: "Это вам не шахматы, тут головой думать надо".

Я хорошо помню, как в детстве мы пацанятами поглядывали на поглощенную игрой компанию и хорошо знали, что вот это и есть самая, что ни на есть настоящая взрослая жизнь, я игра в

домино сродни настоящим спортивным состязаниям. Вроде тех, что показывают по телевизору.

Действительно, домино было не только всенародной, но и по-настоящему спортивной игрой. По вариативности комбинаций оно существенно сложнее того же карточного "дурака", и хотя в нем нет системы соревнований, зато присутствует множество неписанных правил, придерживаться которых считается вопросом чести игрока.

Мужики "за столом с костями" никогда не злоупотребляли алкоголем, потому что игра требует собранности и хорошей реакции. В домино не играли на деньги, а только на интерес. Еще и на всеобщее уважение к победителям и мастерам. Таких "чемпионов" и "покорителей дворовых олимпов" и уважали совсем по-спортивному. По неведомым причинам они обладали настоящим авторитетом не только "в доминошне", но и в делах бытовых, при решении насущных вопросов, и очень часто выступали третейскими судьями в случае конфликтов между соседями.

Существует прекрасное стихотворение Ярослава Смелякова "В защиту домино", в котором отражена душа любимой забавы старшего поколения:

В газете каждой их ругают
весьма умело и умно,
тех человеков, что играют,
придя с работы, в домино.

А я люблю с хорошей злостью
в июньском садике, в углу,
стучать той самой черной костью
по деревянному столу.

А мне к лицу и вроде впору
в кругу умнейших простаков
игра матросов, и шахтеров,
и пенсионных стариков.

Я к ним, рассержен и обижен,
иду от прозы и стиха
и в этом, право же, не вижу
самомалейшего греха.

Конечно, все культурней стали,
но населяют каждый дом

не только Котовы и Тали,
не все Ботвинники притом.

За агитацию — спасибо!
Но ведь, мозгами шевеля,
не так-то просто сделать "рыбу"
или отрезать два "дупля".

Сегодня мне очень жаль, что эта чудесная игра исчезла из наших дворов, растворилась за границами нашей обыденной жизни.

Время от времени я посматриваю на доставшуюся от родителей перламутровую коробочку с набором костяшек под "слоновую кость", стоивших в далеких 60-х годах целых 99 копеек. И какими прекрасными и манящими мне кажутся отпечатанные Кремлевские башни на их обратной стороне. И когда я бережно беру их в руки, то непременно вспоминаю то лучшее, что было у нас и что останется с нами на всю оставшуюся жизнь.

Е — Ералаш

Когда проходит наше детство… Нет, не в наше совершеннолетние в 18, и даже не в бывшие "прощальные с комсомолом" в 27, и не в мифологические "кому за 30"… Когда же детство проходит по-настоящему? Оно истаивает с заслуженной сединой и прожитыми годами, которые позволяют чувствовать, что "тридцать лет назад было совсем недавно".

Материальных свидетельств от нашей "зари туманной юности" доживает не так уж и много: пара десятков фотографий, несколько грамот, блокнот с любимыми стишками. У самых трепетно относящихся к своим воспоминаниям, быть может, еще сохранилось несколько любимых игрушек, пара книг и альбомов с рисунками да что-нибудь смастеренное своими рукам. Вот и все богатства, доставшиеся от нашего детства. Разумеется, если их не истрепали дети, многочисленные племянники и племянницы или собственные внуки. Вроде бы только начали жить, как не успеешь оглянуться, а уже:

Все, что было, все, что ныло,
Все давным-давно уплыло…

А между тем детские годы, протекающие в 1960-70-х годах, были весьма колоритными и насыщенными событиями. Даже в их неофициальной части, то есть вне школы, пионерской организации и многочисленных кружков по интересам.

Кто только не пытался отразить внутренний мир детства: писатели, художники, кинематографисты. И не только отразить, но и направить детские интересы и бьющую ключом энергию в "правильное русло". Получалось это и талантливо, и не очень. Однако, лучшие детские фильмы были созданы именно в те годы.

Сегодня, от одного перечисления тех фильмов накатывает сладостная ностальгия: "Королевство кривых зеркал" (1963 год), "Сказка о потерянном времени" (1964 год), "Город мастеров" (1965 год), "Три толстяка" (1966 год), "Приключения Буратино" (1975 год), "Про Красную Шапочку" (1977 год), "Приключения Электроника" (1979 год), "Гостья из будущего" (1984 год). и в наше время это непревзойденные шедевры.

Одним из самых интересных детских проектов стал предваряющий киносеансы короткометражный юмористический киножурнал "Ералаш". Запущенный в производство в далеком 1974 году, он должен был ненавязчиво воспитывать

подрастающее поколение, являясь чем-то вроде рассказа пионервожатого или поучительного наставления от авторитетного старшеклассника.

Однако, задуманный как аналог взрослого сатирического киножурнала "Фитиль", детский "Ералаш" очень быстро избавился от менторского тона и стал не только разговаривать с детьми живыми голосами сверстников, но и показывать истории, действительно "имеющие место быть" в жизни. Не удивительно, что дети не только доверяли увиденному в "Ералаше", но и любили веселые истории иной раз больше, чем последующее за ними кино или мультфильмы.

Все, кому довелось бывать в пионерских лагерях союзного или республиканского значения, непременно встречали кого-нибудь из "звезд" киножурнала, а слышали многочисленные истории о том, как повезло сняться в кино, как весело проходили съемки, а также позавидовать белой завистью тому, что "конфет, пирожных и лимонада" было сколько захочешь!

Наше детство действительно напоминало ералаш, но не столько киножурнальный, а ералаш в значении самого слова, обозначающим наряду с беспорядком, путаницей и неразберихой, бесконечное разнообразие сладостей (смесь разнородных засахаренных фруктов), а так же неазартную игру недорослей XVIII века.

Советские дети 1960-70х годов жили фантастически намешанными представлениями, в которых коммунистическая идеология органически соседствовала со сказками народов мира, научная фантастика перемежалась с язвительной фельетонной сатирой, а всеобщее увлечение индейцами и мушкетерами шло рука об руку с представлениями "дворовой романтики". Совсем как в "Балладе о борьбе" Владимира Высоцкого:

Детям вечно досаден их возраст и быт,
И дрались мы до ссадин, до смертных обид,
Но одежды латали нам матери в срок,
Мы же книги глотали, пьянея от строк!

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь, мы, не знавшие войн,
За воинственный клич принимавшие вой,
Тайну слова "приказ", назначенье границ,

Смысл атаки, и лязг боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних войн и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов…
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов

И злодея следам не давали остыть,
И прекраснейших дам обещали любить,
И друзей успокоив, и ближних любя,
Мы на роли героев вводили себя!

Прошли года, "книжные дети" повзрослели и пошли по дорогам своих жизней. Но и сегодня, встречаясь с "детьми 60х и 70х", несмотря на весь "ералаш жизни" вижу, какое это необыкновенно интересное и многогранное поколение.

Потому что людям, выросшим с убеждением, что им "море по колено", а "горе не беда" и с настоящими житейскими трудностями справиться тоже возможно.

Ё — Ёлка

Все лучшее — детям.

Под этим лозунгом прошли и 1960-е, и 1970-е, и даже 1980-е годы XX века. И это были не просто громкие заявления с "высокой трибуны", а непреложный закон, которого придерживались и которому верили "от мала до велика". Даже те, кто застал времена "развитого социализма" самым краешком своей биографии, с уверенностью подтвердит, что этот лозунг воспринимался вовсе не политически, а как естественное правило жизни.

Подавляющее большинство людей, вне зависимости от их должности, искренне считало, что "Мы живем для детей". Эти слова одинаково искренне звучали и на собраниях трудовых коллективах, и в веселом кругу "тесной компании", и в задушевном кухонном разговоре "за жизнь". Поэтому детские праздники неофициально приравнивались к праздникам государственным, приобретая общенациональное значение.

Одним из таких детских праздников в СССР стал Новый год, который больше нигде в мире не имеет к себе подобного трепетного отношения.

Повсеместно Новый год — всего лишь очередная дата "юбилея календаря", сверка ритма жизни с астрономическими часами, повод для новых планов и дел.

Для нас же новогодние дни означали наступление пусть краткого, но ослепительного в своей фееричности времени сказки. Причем сказки не придуманной, а ставшей наяву былью.

Если мой уважаемый читатель не застал того времени в разумных летах, то для лучшего "прочувствования" адресую его к просмотру советской киноклассики. "Ирония судьбы, или с легким паром!" (1975 г.) и "Чародеи" (1982 г.) — наглядная иллюстрация тому, как новогодняя сказка не только приходит в жизнь, но и становится самой жизнью.

Эта нерушимая вера "в волшебство Дедушки Мороза" была действительно столь глубоко укорененной в коллективном сознании советского человека, что сравнить ее можно только с архаичной мифологией. Видимо так устроен человек, что несмотря на господствующее научное мировоззрение и царящий в жизни технический прогресс, душа его по-прежнему жаждет чуда.

Главным символом этих сбывавшихся чудес была, есть и будет разукрашенная мишурой и одетая в гирлянды сияющих огоньков ставшая волшебной обыкновенная лесная ёлка, каких и не сосчитать на наших просторах.

Мне было интересно узнать, откуда "растут иголки чудес" у советской ёлки и почему ее значение столь велико. Не потому ли, что сама ель напоминает нам что-то родное и скрытое от посторонних глаз, что она приходит в наши дома, как соль родной земли?

Сама история "главного новогоднего символа" похожа на судьбу выбившегося в люди человека из народа. Рассказ о том, как самую обыкновенную и ничем ни примечательную ёлочку "взяли из лесу", привези в большой зал, нарядили, украсили, превращая в ослепительную красавицу, очень напоминает сказку про Золушку, оттого по духу очень близка трудовому народу.

Пожалуй, только в советском "фольклоре" ёлка из новогоднего и рождественского атрибута превращается в живой и самостоятельный персонаж.

Первыми наделять новогоднюю ёлку человеческими чертами стали классики советской детской литературы. У Маршака ёлка еще напоминает скорее домашнего питомца, который сначала грустит по родному лесу, а потом принимает свой новый дом и обретает в нем друзей:

Елка плакала сначала
От домашнего тепла.
Утром плакать перестала,
Задышала, ожила.

Корней Чуковский шагнул намного дальше и придал ёлке уже совсем человеческие черты, превращая ее практически в сверстника детворы:

Были бы у ёлочки ножки,
Побежала бы она по дорожке.
Заплясала бы она вместе с нами,
Застучала бы она каблучками.

Известная детская поэтесса Агния Барто объясняла эти метаморфозы тем, что "детям нужна вся гамма чувств, рождающих человечность". В том числе и придание ёлке узнаваемых детских качеств. Помните:

Маленькой ёлочке холодно зимой,
Из лесу елочку взяли мы домой.
Беленький заинька ёлочку просил:
"Мятного пряничка зайке принеси!"

Белочка прыгала в шубке голубой:
"Ёлочка, ёлочка, я пойду с тобой!"
Маленькой ёлочке в комнатах тепло,
Заяц и белочка дышат на стекло.
Сколько на ёлочке шариков цветных,
Розовых пряников, шишек золотых!
Сколько под ёлочкой маленьких ребят!
Топают, хлопают, весело кричат:
"Ёлочка, ёлочка, яркие огни,
Синими бусами, ёлочка, звени,
Ветку нарядную ниже опусти,
Нас шоколадною рыбкой угости!
Встанем под ёлочкой в дружный хоровод.
Весело, весело встретим Новый год!"

Сколько бы лет ни прошло, как бы не изменилась палитра нашей жизни, какие бы потрясения ни готовил новый XXI век, ёлка останется для нашего поколения символом добрых чудес, которые непременно становится реальностью для чистых сердцем и сильных духом.

Ж — Женщина и Мужчина

Для того чтобы прочувствовать время и живущих в нем людей, требуется не так уж и много. Человек должен быть честным и непредвзятым, уметь "не видеть мелкого и случайного", а различать черты действительно существенные и важные. При этом совсем не помешает сохранить в себе душевную чистоту, то воспринимать прошлое с уважением и достоинством. Хотя бы потому, что это и твое прошлое тоже. Но прежде всего, стоит подумать о том, сколько достойных, порядочных, мудрых, честных людей жило и до тебя, сколько будет жить и после…

Если попытаться определить главную тему, которая больше всего занимала простого советского человека в 1960-70 годы на житейском уровне, то в бесспорные лидеры выйдет вечный сюжет взаимоотношений женщины и мужчины.

К сожалению, сегодня эта тема изрядно "подъедена памятью, как молью шуба" и воспринимается не серьезно, сводясь либо к скабрезностям "ты моя женщина, я твой мужчина", либо к обычному трамвайному хамству: "Женщина, подвиньтесь! Мужчина, не толкайтесь!" А когда-то эти два заветные слова воспринимались с трепетом и нежностью.

Советский Союз того времени можно назвать страной, в которой главной мелодией жизни простых людей была любовь. Вся жизнь в буквальном смысле крутилась вокруг этой темы: лучшие песни посвящались любви, лучшие фильмы снимались о любви. Стихи о любви того периода становятся вровень золотому — пушкинскому веку русской поэзии. Женщину не просто воспевают на официальном уровне, она и в жизни становится мерой всех вещей. Смыслом жизни, если угодно.

Именно тема "женщины, которая поет" сделала Аллу Пугачеву главной певицей страны. А знаменитый дуэт Льва Лещенко и Анны Герман, исполнивший в 1977 году песню "Эхо любви" и сегодня невозможно слушать без замирания сердца:

Покроется небо пылинками звёзд.
И выгнутся ветви упруго
Тебя я услышу за тысячу вёрст:
Мы — эхо, мы — эхо,
Мы долгое эхо друг друга.
И мне до тебя, где бы я ни была,
Дотронуться сердцем не трудно.
Опять нас любовь за собой позвала.
Мы — нежность, мы — нежность,

Мы — вечная нежность друг друга!
И даже в краю наползающей тьмы,
За гранью смертельного круга
Я знаю, с тобой не расстанемся мы!
Мы — память, мы — память,
Мы — звёздная память друг друга!

Стоит ли удивляться, что даже появившийся как революционный праздник эмансипации 8 марта становится по-настоящему Женским днем, в который говорят не о борьбе, а признаются в любви, в который не провозглашают лозунги, а дарят цветы.

Отдельно хочется вспомнить о том, чем была тема взаимоотношений женщины и мужчины для "важнейшего из искусств".

Советское кино в те годы не только достигло своих вершин, оно действительно было лучшим и самым человечным в мире. Когда смотришь старые ленты сегодня, то с удивлением отмечаешь, насколько в советском кино не было и тени лицемерия, ни намека на пошлость!

Разные по жанрам, совершенно не схожие по режиссуре и актерской игре, порой выступающие стилистическими антагонистами, они до сих пор являются беспристрастным зеркалом, отразившим все многообразие жизни в Советском Союзе. Лучшим подтверждением служит проверенная временем зрительская любовь и верность человеческой памяти. Иначе бы эти фильмы прошли незамеченными тогда и не бередили бы душу сейчас. Назовем только некоторые, особенно знаковые киноленты: "Три тополя" на Плющихе" 1967 г., "Калина красная" 1973 г., "Служебный роман" 1977 г., "Москва слезам не верит" 1979 г., "Любовь и голуби" 1984 г., "Зимняя вишня" 1985 г.

Вот что удивительно: наше прошлое, когда смотришь в него чистым, "незамыленным", неидеологизированным взглядом, вдруг отзывается в тебе удивительной душевной чистотой и неподкупной жизненной правдой. В простых и обыденных вещах, как отношения женщины и мужчины, раскрывается бесконечная в своей многогранной красоте бескрайняя вселенная Любви, в которой летят и сгорают звездочки человеческих душ…

3 — Звёздочка

Мыслитель рубежа эпох, философ конца Просвещения и начала Романтизма, Иммануил Кант писал: "Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас". Своим изречением он раскрывал зримые, и в то же время непостижимые глубины человеческого духа.

Подобный священный трепет рождался в душах советских детей при упоминании слова звёздочка.

К 1960-70-м годам она утрачивает чисто идеологическое значение, и даже в виде нагрудного значка октябрёнка является чем-то большим определения "юных ленинцев". Теперь звёздочка больше говорит о Великой Отечественной войне, о "Вечном огне" на могиле неизвестного солдата, об орденах на груди фронтовиков, которые были постоянными участниками самых значимых праздников страны. До сих пор памятны слова песни "Солдатские звезды", с которой выступали на концертах перед ветеранами:

Не волнуйтесь, берёзы, —
Никогда, никогда
Над безмолвным солдатом
Не померкнет звезда.
Нам, советским ребятам,
В нашей жизни большой
Будет подвиг солдата
Путеводной звездой.

Всем, кто в те годы учился в школе, надо ли объяснять о любимой детьми повести Елены Ильиной "Четвертая высота" (1945 год). Это трогательный рассказ о советской девочке Гуле Королевой, которая благодаря своему мужеству и упорству преодолевает жизненные препятствия, "берет свою высоту". Последний подвиг, ее "четвертая высота" была на фронте.

В то время много уделялось постижению внутреннего мира героя и мне отчего-то остро врезались в память стремление героини защитить Родину через ее восприятие военной столицы:

"Гуле трудно было представить себе Москву тёмной, суровой, ощетинившейся. Ей казалось, что она всё такая же, какой была до войны, — светлая, шумная, праздничная, бурлящая жизнью, что всё так же сияют по ночам рубиновые звёзды Кремля".

А еще звёздочка напоминала об освоении космоса и полетах к звёздам советских космонавтов. Как искренне считали тогдашние первоклашки, что уж к 2000 году люди обязательно отправятся в дальний космос за границу солнечной системы. И кто-нибудь из них обязательно, если только будет хорошо учиться и заниматься спортом, непременно будет в их числе. Сейчас кажется невероятным, но тогда, после выхода на экраны очередного научно-фантастического фильма резко повышалась успеваемость и улучшалась дисциплина.

Поэтому и отношение у детей к своим звёздочкам было неподдельно искренним и трепетным, сродни тем, которые сейчас многие испытывают к георгиевским лентам. Носить на груди звёздочку означало быть причастным ко всему великому и прекрасному, что было в Советском Союзе. Это был знак того, что ты несмотря на свои юные годы уже являешься творцом реальной истории своей страны, своего края, своего района. Может быть, поэтому с 70-х годов среди молодежи, не только детей, начинается самая что ни на есть "звездомания".

Трудно перечислить, какое количество исполнителей пело о "звездочках-золотках", "искорках алых", "о поисках счастья, упавшего в траву". По моему личному наблюдению эту звездную эпопею открыл в 1971 году популярный вокально-инструментальный ансамбль "Цветы" в любимой до наших дней песне "Звёздочка моя ясная":

Песни у людей разные,
А моя одна на века.
Звездочка моя ясная,
Как ты от меня далека.
Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоём вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то, что жить на земле…

Но подлинным шедевром и своеобразным гимном нашего звёздного детства стала песенка Звездочета из кинофильма "Про Красную Шапочку" 1977 года. Не найти ничего более проникновенного и более точно объясняющего душу поколения советских детей, чем эти бесхитростные, простые и сродни Кантовскому выражению, слова:

И вся печаль проходит, когда глядишь на небо —
В трубу или просто в окно,
Но, правда, в это время ни дождика ни снега

На улице быть не должно.
Тогда среди несметных сокровищ небосвода
Найдется звезда и для тебя,
Но только надо, чтобы хорошая погода
Была на планете Земля.

И — Игрушки

Как замирало сердце и как учащенно билось оно в груди, когда на день рождения, на Новый год, или даже просто так, незаслуженно и совершенно без повода, ты получал в подарок игрушку.

Перед тем, как вдоволь налюбуешься и наиграешься, шли томительные и приятные мгновения "предчувствия игрушки", когда надо распечатать коробочку, освободить её из упаковки, выложить на стол, осмотреть, скользя пальчиками по деталям…

Каждый советский ребенок вырос на этих неписанных и никем не придуманных ритуалах, которые сродни детской жажде познания мира. Потому что через игрушки на всю жизнь усваивает человек то, что чудо несет в себе рукотворный характер, что сказку сделать былью — возможно…

Ах, уж эти детские игрушки советской поры! Внешне технически несовершенные, неуклюжие, порою сработанные топорно. Но как много они говорят, как много значат для тех, кто вырос, играя в эти неказистые куклы, незатейливые машинки, бесхитростные кубики с заглавными и прописными буковками, сдобренными разноцветными картинками. Для тех, кто постигал основы мира, раскручивая волчок со скачущей лошадкой, или создавал архитектурные и технические шедевры из нескладных конструкторов.

Нынешнее поколение, для которого "все игрушки в компьютере" уже с того момента, когда начинают самостоятельно ходить и внятно говорить, никогда не сможет оценить всей прелести и восторга, которым наполняли первые годы жизни эти священные артефакты детства!

В те годы люди жили небогато, детей игрушками баловали нечасто, потому для маленького человечка она являлась практически членом семьи. С игрушками вместе ели и укладывались спать, делали уроки и отправлялись на прогулку, где они мужественно купались в лужах, зарывались в песок, а то и подвергались многочисленным косметическим изменениям (у девочек), либо техническому усовершенствованию (у мальчиков).

Всем памятно, как из-за игрушек дрались и плакали, ссорились и обзаводились новыми друзьями, как, наконец, игрушки выменивали на что угодно и даже их воровали! Каждый знает, что детство заканчивалось именно тогда, когда человечек переставал играть в игрушки.

Многие поколения вырастали на одних и тех же куклах, машинках, солдатиках, паровозиках и лошадках, передавая их "по

наследству" от старших к младшим. При этом в "игрушечную" цепочку включались не только близкие и дальние родственники, но и соседи по дому, коллеги по работе, да и попросту "хорошие знакомые".

Успех и живучесть передачи "Спокойной ночи, малыши" (в эфире с 1 сентября 1964 года) во многом обеспечены наличием со-ведущих кукол-игрушек. Выросшие поколения, затем прививали эту любовь своим детям, а теперь и своим внукам. Такова на самом деле незримая сила и власть бесхитростных плюшевых зайцев, медвежат и щенков!

Помню, как нам, первоклашкам, учительница читала рассказ Виктора Драгунского "Друг детства", в котором была описана бесхитростная, но поучительная история о вещах, по-настоящему дорогих нашему сердцу, через которые запросто не перешагнешь, не отнесешься утилитарно.

Рассказ посвящен мальчику, решившему стать боксером. Родители, не имея средств на покупку груши, предложили ему, для начала, потренироваться на бывшей игрушке — плюшевом медведе.

"Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — желтый стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается… И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара…"

Мальчик из рассказа не стал тренироваться на "друге детства". Он понял, что никогда не будет боксером. Зато он получил важный урок для того, чтобы стать человеком.

Дослушав рассказ в далеком 1974 году, весь наш класс

плакал. Мы, первоклашки, даже предложили собрать свои игрушки и подарить их в группы детского сада. Вспоминая эту "историю игрушек", становится по-особенному светло на душе, и хочется верить, что многие из моих одноклассников стали настоящими людьми.

Й — Йод

Человек, не ходивший с ног до головы перемазанным йодом и зеленкой, никогда не поймет, не прочувствует на своей шкуре, что такое детские забавы и как проживать день за днем, носясь по двору, словно угорелый.

Сколько чудесных дней, месяцев, а может и лет, довелось нам, детям 1960-70х, провести на улицах, раскрашенными оранжевыми и зелеными пятнами, с гордостью выставляя их напоказ, как боевую раскраску индейцы!

Подобное дворовое жизнелюбие отнюдь не было исключительно мальчишечьей чертой. Некоторые девочки "давали жару", что взрослым только и оставалось, что качая головами именовать их "пацанками".

Помню, мы на полном серьезе спорили, чем лучше обрабатывать раны: йодом или зеленкой. И тех, кто предпочитал зеленку, обзывали неженками и слабаками, потому что она меньше жжется. Так в глазах "десятилетних шкетов" йод считался лучшим средством для взрослых, а зелёнка — для малышей. Поэтому появиться в "зеленых пятнах" на локтях, коленях, да и на лбу после очередного падения с велосипеда, было крайней степенью позора.

Наше поколение — дети выросших в войну детей, своей жизнестойкостью во многом обязано воспитанию, основанному на оптимистических принципах, сформулированных Лебедевым-Кумачом ещё в 1947 году:

Закаляйся,
если хочешь быть здоров!
Постарайся
позабыть про докторов.
Водой холодной обтирайся,
если хочешь быть здоров!

Будь умерен
и в одежде и в еде,
Будь уверен
на земле и на воде,
Всегда и всюду будь уверен
и не трусь, мой друг, нигде!

Всех полезней
солнце, воздух и вода!

От болезней
помогают нам всегда.
От всех болезней всех полезней
солнце, воздух и вода!

Бодр и весел
настоящий чемпион,
Много песен,
много шуток знает он.
А кто печально нос повесил,
будет сразу побежден!

Действительно, в той давно ушедшей индустриальной эпохе к здоровью относились как к чему-то естественным образом прилагавшемуся к организму. Как к электричеству и водопроводу в квартире, или как присутствию машинного масла в двигателе. Все рассуждали, что если ты молод или ещё не слишком стар, то у тебя просто обязано быть здоровье. И всё тут! Иначе — вызывайте специалистов-ремонтников в белых халатах!

Большинство людей искренне считало, что если что-нибудь случайно разладится в их организме, то их непременно "подлатают" в поликлинике или "починят" в больнице. Да ещё и настроят, как телевизор в телеателье, так что будешь не хуже, чем новенький.

Люди действительно болели реже, но не потому, что экология была лучше, а продукты — более натуральными. Просто мировоззрение было куда оптимистичнее. Еще были массово распространены по месту жительства всевозможные спортивные секции и кружки здоровья, профилактории-санатории и курорты. Они были действительно доступными практически для всех желающих!

В определенное время по радио и телевизору транслировались 15-минутные производственные гимнастики, которые, в некоторых организациях и предприятиях, были обязательными. И, разумеется, даже в небольших конторках были собственные медицинские кабинеты с штатным врачом, или, на худой конец, фельдшером. Не говоря о крупных заводах с обустроенными при них собственными поликлиниками, кабинетами психологической разгрузки, спортивными и оздоровительными базами.

Так что, даже несмотря на безалаберное отношение к своему здоровью у определенной части населения, продолжительность жизни была больше. И радость жизни — ярче. И воля к победе —

сильнее.

Действительно, если дети растут, не желая быть увальнями и неженками, если они готовы носиться целыми днями по дворам, играя в "войнушку" или "двенадцать палочек", перекусывая купленным на всех батоном и запивая его водой из колонки, если главными лекарствами являются йод и зеленка, то разве может быть иначе?

К — Космонавт

Дети, родившиеся в 1960-70-е годы, смотрели на звёздное небо совсем по-другому, чем поколения до них и после них. Космические звездные дали казались не мифом, не фантастикой, а единственно возможной реальностью, научной и даже практически-бытовой сферой человечества.

"Космическое завтра" было также естественно и понятно, как мореплавание, а звездолеты в детских умах выглядели не более фантастическими, чем подводные лодки и батискафы. Оттого-то всеобщее желание мальчиков и девочек стать космонавтами скорее следует отнести к "осознанной мечте", чем к детским грёзам. Поколения рождались и начинали себя осознавать под не прекращавшийся поток новостей о достижениях советской космонавтики и полетах в космос.

"Великой победой разума и труда" именовали советские газеты каждый удачный запуск пилотируемого корабля с космодрома Байконур. И подавляющее большинство действительно воспринимало космические новости как общенародное дело, на которое было не жалко перечислить свою зарплату за целый рабочий день. Космический проект во многом являлся тем стержнем, на котором держалась общность людей, которая тогда называлась советским народом. "Освоение космоса во имя мира и прогресса всего человечества" становится в 1960-70-е годы главной национальной идеей Советского Союза.

В стране, где далеко не каждый летал на самолете, тем не менее, все отлично понимали, что такая возможность не только существует гипотетически, но рано или поздно этот первый полет неизбежно состоится. Точно так же и путешествие в космос виделось вполне реальным, только отсроченным во времени. Поэтому ежегодно 12 апреля в День космонавтики даже в детских садах карапузы искренне излагали программу будущих звездолётчиков:

Чтобы в космос полететь
Нужно многое уметь.
Быть здоровым, крепким, ловким —
Нужно только захотеть!

Это сегодня космическая тема стала уделом горстки энтузиастов да писателей-фантастов, которых, впрочем, братья и сестры по литературе ставят не очень высоко. В 60-70-х годах XX

века, в эпоху "классического Советского Союза", космосом бредили лучшие умы.

В то время было совсем не зазорно держать под лежащим на столе толстым стеклом фотографию Циолковского (советский вариант Эйнштейна). Или взять на ночь потрепанный том (журнал "Роман-газеты" или подшивку "Техника-молодежи") известного или малоизвестного фантаста. Еще лучше, если книжка будет самиздатовской, отпечатанной на машинке и сброшюрованной. К слову сказать, многочисленные клубы любителей фантастики представляли собой настоящую интеллектуально-досуговую мафию, которая обменивалась интересующей информацией не менее быстро и эффективно, чем цыганское радио. Это была подлинная субкультура интеллектуальной молодежи, из которой, со временем, вышла большая часть современной научно-технической элиты.

Несмотря на огромный зрительский интерес и "социальный заказ" ни советское кино, ни литература не слишком часто баловали молодежь хорошими фантастическими проектами. В этом была и недальновидность пропагандистов старой школы, и огромный идеологический просчет, который во многом поспособствовал массовому нигилизму среди молодежи и утрате жизненной перспективы. Попросту советскому человеку не куда стало расти, не к чему стремиться. А ему так хотелось врастать в звёзды…

Ночь прошла, будто прошла боль,
Спит земля, пусть отдохнет, пусть.
У Земли, как и у нас с тобой
Там, впереди, долгий, как жизнь, путь.

Я возьму этот большой мир,
Каждый день, каждый его час,
Если что-то я забуду,
Вряд ли звезды примут нас.
Если что-то я забуду,
Вряд ли звезды примут нас.

Я возьму память земных верст,
Буду плыть в спелом, густом льне.
Там вдали, там, возле синих звезд
Солнце Земли будет светить мне…

С лихими 90-ми закончилась наша "звёздная эра", даже преподавание астрономии в школе и то отменили. Хотя, может

быть, советская тяга к звёздам, не закончилась окончательно, а лишь отклонилась от курса, выполняя сложный маневр…

Космонавтика многому научила нас, раскрывая не только научные, но и нравственные тайны. Так было опровергнуто правило, гласящее, что "у нас незаменимых людей нет". После смерти академика Сергея Павловича Королёва в 1966 и гибели Юрия Алексеевича Гагарина в 1968 году ко всем "мечтающим и живущим звездами" постепенно пришло осознание, что дорога в Космос будет тернистой, болезненной и долгой. Что пока мы научимся летать, нам придется унизительно долго ползать, продираясь к звёздам, сквозь бытовые, социальные и даже исторические зигзаги и тернии. Это не страшно. Мы — сильные, терпеливые и умные. Прорвёмся!

Л — Лето

Яблони в цвету. Несмолкаемый гвалт детворы, до позднего вечера носящейся на извлеченных с балконов велосипедах и самокатах. Подростки, гоняющие мяч или играющие в волейбол. Выставленные из окон колонки, из которых разносится популярная музыка. Бабушки на скамейках перед подъездами, которых с наступлением сумерек сменяет почувствовавшая приближение совершеннолетия молодежь. Перебор гитарных струн, возбужденные разговоры, смех. Так начиналось каждое лето и 30, и 40 лет назад…

Каждое лето приходило с надеждой и ожиданием того, что вот-вот в твоей жизни произойдет что-то чудесное и важное, долгожданное и обязательно хорошее. Так в детском сознании возникали параллели между Новогодними праздниками и летом как лучшими днями жизни…

Эти летние дожди,
Эти радуги и тучи,
Мне от них как будто лучше,
Будто что-то впереди.

Будто будут острова,
Необычные поездки,
На цветах росы подвески,
Вечно свежая трава.

Будто будет жизнь как та,
Где давно уже я не был,
На душе, как в синем небе,
После ливня чистота…

Мечтая о лете, дети ожидали приключений и активного отдыха (на море или в пионерском лагере), подростки грезили о первой любви, "которая нечаянно нагрянет", взрослые ждали летних отпусков и мечтали о пляжном отдыхе с покупками "на югах" дефицитных обновок, а пожилые… Ну откуда, нам, тогдашним детям поинтересоваться и понять, о чем мечтали и чего ожидали от наступающего лета наши бабушки и дедушки?

Это они, выросшие на лишениях гражданской войны, индустриализации и коллективизации, всегда были озабочены нашими желаниями. Это они, со своих зачастую скудных пенсий,

при каждой возможности баловали нас подарками, закармливали мороженым и пирожными, и втайне от родителей давали карманные деньги.

Долгожданное лето захватывало с головой: кружило, качало, будоражило, баюкало… Каждое лето было настоящей революцией нашего психофизического развития. За три летних месяца дети переживали столько эмоций и получали столько адреналина, что с лихвой хватило бы не на один год. Может быть, именно в этих летних бесшабашных днях и крылась природа акселерации, которая закончилась с массовым распространением компьютеров? Потому что сегодняшние дети и подростки действительно не похожи на своих сверстников 30–40 лет назад.

Как памятны те летние утра, в которые не было необходимости думать, чем бы себя занять! Едва проснувшись, ты спешил "проглотить" завтрак и бежать к товарищам во двор. Там уже ожидал прекрасный и неизвестный мир, полный игр, приключений и открытий. Поразительное дело, как мальчишки и девчонки умели находить интересное в вещах самых обыденных, с какой ловкостью конструировали игры, выдумывали новые забавы.

Заложенная пионерией детская самоорганизация сегодня просто поражает воображение: сколько было совершено без ведома взрослых детских походов, сколько заброшенных зданий обшарено, сколько сооружено тайных "штабов", сколько построено плотов, на которых пройдены сотни речных и озерных миль! Сколько выловлено рыбок, сколько картошки испечено на пышущих жаром углях! Сколько сделано луков, рогаток, пугачей! Сколько переплавлено на свинчатки старых аккумуляторов! Сколько за это время было разобрано, собрано заново и переделано велосипедов и мопедов, и вовсе не поддается никаким подсчетам!

Мы чувствовали себя первопроходцами и первооткрывателями, готовыми ворваться во взрослую жизнь, едва закончив восемь классов, оттого так стремительно росли и взрослели за каждое прожитое лето. В ту пору получение паспорта и 16-летие автоматически обозначало взрослость и самостоятельность. Мы хотели и умели рано взрослеть.

Становясь постарше, вчерашние дети жаждали жить, оккупируя сады и скверы, кинотеатры и танцплощадки, на практике получая знания, что "за любовь и отношения" приходится драться до крови. Что собственная точка зрения и самоуважение обретается в борьбе.

Это были времена, когда рыцарские отношения, пусть и в завуалированной форме, все же были в чести. Задирать

невиновных считалось подлым, впрочем, и дрались часто до первой крови, не злобствуя, не добивая лежачих. Свято верили в дружбу, подонков называли подонками. И любить старались на всю катушку, бросаясь в чувства, как в омут с головой, так, будто это происходит раз и навсегда.

М — Мотоцикл

Свобода, как она понималась "юной порослью" в 1960-70 годы, выражалась в трех ключевых приобретениях: получении паспорта при достижении 16 лет, независящем от родителей источнике собственных денег (диапазон мог колебаться от стипендии и летних подработок, до начала раннего трудового пути) и владении собственным мотоциклом.

Не было более желанного и одновременно более достижимого технического средства, чем мотоцикл. По не писаным правилам велосипеды и мопеды покупались детям, в крайнем случае, подросткам, а собственный мотоцикл проводил черту под детством, демонстрируя всему миру, что перед ним "уже не мальчик, но муж".

В СССР автомобиль был не просто роскошью, но для молодого человека, казался атрибутом весьма сомнительным, потому как полагался исключительно ветеранам, заслуженным людям (ученые, артисты) и начальству, а все остальные счастливые владельцы автотранспорта представали в глазах простых граждан в образе спекулянтов и выжиг. Оттого иметь собственную машину в юные годы даже и не хотелось. Другое дело — мотоцикл!

В глазах дворового молодняка мотоциклист был современным рыцарем на сияющем стальном коне, взнуздавшим жизнь "героем асфальта" или, по крайней мере, хозяином положения и образцом для подражания.

Счастливые владельцы мотоциклов, которым едва перевалило за 16, всегда держались несколько особняком и от "безлошадных" сверстников, и от дворовой шпаны, с которыми еще совсем недавно вместе бедокурили. Теперь они обитали возле сараев и гаражей, там, где находились импровизированные мастерские.

В те годы понятия тюнинга не существовало, зато тяга к самодеятельному техническому усовершенствованию была огромной. Чего только не вытворяли народные умельцы со своими мотоциклами! Например, изготавливали из спинок панцирных кроватей хромированные дуги безопасности. Или устанавливали дополнительные автомобильные зеркала заднего вида. А каким переделкам только не подвергались седла, рули и глушители, даже трудно вообразить. Полет фантазии ограничивался только материально-техническими и слесарными возможностями.

Мотоциклы негласно подразделялись и по возрастным категориям: так серьезные мужики ездили на тяжелых "Уралах" и

"Днепрах", в крайнем случае, на "Ижах-Юпитерах" с колясками. Немолодым и пенсионерам отводились "Восходы", а также семейство "гибридов" мотоцикла с мопедом — мотороллеры, которые сегодня называют скутерами. Юных и дерзких привлекали модели позволявшие раскрыть и проявить свой характер.

Самыми доступными были мотоциклы "Минск", которые за неизменно красный цвет, легкость и прыгучесть тут же прозвали "макаками". Они были недорогими, не слишком мощными и не особо притязательными, но идеально подходящими для вчерашней детворы: надежными, неприхотливыми, неубиваемыми. Перед знатоками на них, конечно, не покрасуешься, но ощутить себя вполне взрослым или снискать восхищенные взгляды одноклассниц можно было запросто. Точно так же, как гонять на танцы или рыбалку, и даже совершать продолжительные туристические вояжи по родному краю. Благо бензин тогда стоил копейки, да и увидеть мотоциклиста на заправке было нонсенсом. Чтобы раздобыть заветные литры, достаточно попросить водителя любого грузовика.

Тем, для кого ветер за спиной приравнивался к крыльям свободы и мыслился смыслом жизни, требовались аппараты посерьезнее, наподобие чешской "Явы" или ставшего культовым с момента первого выпуска в 1974 году мотоцикла "ИжПланета-Спорт", которого за скорость, мощность и зловещий рык окрестили "псом".

Окрашенный в яркие, агрессивные тона, с японским карбюратором 32 лошадный "пёс" разгонялся до 100 км/час за 10–12 секунд и запросто "рвал" всех конкурентов и на улицах города, и на трассе. Оттого очень скоро он стал головной болью и для сотрудников ГАИ, и для травматологов: совладать с неукротимым характером "пса" могли далеко не все лихачи, и статистика ДТП с участием "ИжПланеты-Спорт" была неутешительной. Не случайно бесчисленные дворовые песни под гитару постоянно обыгрывали тему несчастной мотоциклетной судьбы:

Алое солнце встаёт вдали,
Мотоциклист лежит в пыли.
Не шелохнется озёрная гладь,
А из-под шлема выбилась прядь.
Рядом девчонка, все руки в крови
Словно от солнца алой зари…

Может быть, поэтому технические характеристики

"ИжПланеты-Спорт" были вскоре снижены.

Мотоцикл советской эпохи был много большим, чем транспортное средство. Его значение можно сравнить со станком, медленно, но верно вытачивающим характер, прививающий самостоятельность и ответственность, на глазах превращающий мальчишек в мужчин. Не случайно характер киногероев той поры так любили подчеркивать двухколесным другом. Достаточно вспомнить фильм "Ночной мотоциклист" 1972 года с эталонным Николаем Олялиным.

Кто провел юность на "стальном коне", никогда не забудет из того времени даже мельчайших деталей. Эти чувства сильны, как первая любовь, и вызывают вихрь воспоминаний, как служба в армии. Не случайно, что скорость в чистом виде и полет духа, который она передает человеку, можно почувствовать только на мотоцикле.

Н — Наполеон

Советских людей объединяли две отличительные черты: искреннее сочувствие к любому человеку, которое соседствовало с жизнеутверждающей ироничностью. Поэтому без вины виноватого жалели, а обуреваемого гордыней и самомнением выскочку — высмеивали. Не от этого ли особенного, сформированного суровыми реалиями XX века мироощущения, любимым и самым массовым лакомством в Советском Союзе стал торт "Наполеон", а большинство сумасшедших также предпочитали себя видеть в роли императора, испытавшего на себе превратности судьбы?

Однако в этих внешне незамысловатых проявлениях наполеономании можно разглядеть черты национального характера, услышать живое эхо событий, сотрясавших и определявших жизнь и быт нашей страны.

Из реального исторического персонажа в персону мифологическую Наполеон превращался весь XIX век. Его то воспевали, то высмеивали, то превращали в персонаж басен, пока из этой гремучей смеси Гоголь не вывел образ нового Наполеона — проходимца Чичикова.

Так бы в нашем сознании Наполеон и остался нарицательным литературным героем, если бы к 1912 предприимчивыми дельцами набиравшего силу отечественного капитала его образ не стал превращаться в синоним шика и роскоши для не очень богатых и не слишком образованных слоев. Так Наполеон в предреволюционной России стал символом комильфо по-мещански, определенным дресс-кодом образа жизни городских обывателей.

Но если непременные наполеоновские замашки и образчики "сверхчеловеков" были доступны и формировались из бульварного чтива, то все остальное "комильфо" стоило немалых денег и было обывателям трудно достижимо.

Тогда снова вступают в силу законы победившего капитализма: и магазины, лавочки и даже лотки заполняются продукцией "наполеоновского" качества по весьма приемлемой цене. Питейные заведения предлагают бросовые горячительные напитки с именем императора, суконщики — наполеоновский драп и кашемир, сапожники, разумеется, обувь наполеоновской выделки, парфюмеры — одеколоны и туалетную воду.

Разумеется, в стороне не остались и кондитеры, придумавшие уникальный рецепт многослойного торта на любой вкус и кошелек. Поменял ингредиенты — вот и получилось то же самое,

что и на столе у господ, только коробочкой попроще. Дешево и сердито. Как говорится: "Гуляй, рванина, от рубля и выше! Рядись в Наполеоны!"

В те годы фельетонисты много и с удовольствием издевались над мещанами, внезапно обретшими вкус к французскому императору. Отголоски этой насмешливости стало знаменитое изречение "Пустите Дуньку в Европу!" из пьесы "Любовь Яровая" (1926 г.).

Это наполеоновское поветрие, замешанное на жажде наживы и стремлении красиво жить, закончилось с началом Первой мировой войны и неожиданно вернулось, хотя и весьма в урезанном виде, во времена НЭПа, когда прошедшие через голод и лишения люди вдруг вспомнили о необыкновенно вкусном и сытном довоенном торте "Наполеон".

В начале 1920-х годов прошлого века популярность его была столь высока и повсеместна, что куски этого слоеного кондитерского чуда можно было приобрести и в лучших столичных ресторациях, и в рабочих столовых, и в университетских буфетах… И даже у бабушек, торговавших "Наполеонами" на каждом углу, наравне с семечками и самодельными сахарными петушками. Правда, ингредиенты все так же разнились: вместо масла в дело шел маргарин или какой иной жир, вместо яиц — клейстер из муки, вместо меда и сахара… Да кто об этом думал и спрашивал, когда можно было запросто, за пару гривенников ощутить изысканный вкус дореволюционного комильфо!

С тех пор торт "Наполеон" стал излюбленным советским десертом, неведомой для многих, но все-таки существенной ниточкой в прошлое, сочетавшим в себе "русские блины с французским кремом".

По одной из версии своему происхождению "Наполеон" обязан русским блинам, которые на Масленицу 1813 года стопкой выносили пленным французам. И это зрелище было настолько ошеломляющем, что возвратись из плена домой бывшие наполеоновские солдаты принялись экспериментировать и переиначивать стопку русских блинов на свой лад, пока Европу повсеместно не покорили "тысячеслойные торты".

Выходит, что любовь к "Наполеонам" есть ни что иное, как привязанность к своим блинам, только выпеченным по европейской рецептуре! Да и наши местные "наполеоны" не имеют ничего общего с их "бонапартами", а очень похожи с такими литературными персонажами как Павел Иванович Чичиков, Остап Бендер, или обаятельными и слегка дурковатыми антигероями Гайдаевской "Бриллиантовой руки". Одним словом,

рядиться в Наполеоны означало добровольно записаться в городские сумасшедшие. Потому как гордыня и болезненное самомнение у советских людей считалось неоспоримым симптомом помешательства: тихого или буйного. А уж в соответствии с поведением пациента назначалось и лечение. Помните, как в кинофильме "Иван Васильевич меняет профессию"? Тогда люди действительно верили, что советская медицина непременно вылечит и вернет обществу всех: будь ты Наполеоном или самим Бонапартом!

О — Одежда

Меткое выражение "по одежке встречают" было весьма актуальным и впору нашего советского детства. В 1960-70 годы носить "правильную одежду" было важно не только среди "хиппующей" молодежи, но и для представителей всех общественных слоев. Однако смысл и содержание в этом стремлении "выглядеть" был у всех совершенно разный. Для того чтобы понять, какую роль играла одежда в умонастроениях того времени, начать надо с первоистоков. Стоит разобраться, какие смысловые и бытовые функции играла в ту пору одежда.

Сегодня, в дни товарного изобилия, для большинства людей одежда утратила тот сакральный смысл, которым она обладала в течение столетий. Помните, как для героя гоголевской повести новая шинель становится смыслом его существования? Нетрудно представить, какой трепет вызывали кожанки эпохи революции, или как воспринимались тулупы в тяжелые военные годы.

Вплоть до конца 70-х годов советская легкая промышленность не могла избавиться от тяготеющего над ней стремления одеть всех людей. Да и люди старшего поколения, воспитанные лишениями и нуждой, при малой возможности покупали вещи впрок, забивая кладовки и сундуки "отрезами" разносортных тканей, носками, рубашками, нижним бельем…

Многим памятны "бабушкины закрома", из которых то и дело извлекались для любимого внучка или внучки обновки, пролежавшие уже не один год, приобретенные "на вырост". И не всегда подразумевалось, что вещь должна быть в аккурат. Мол, сначала подгоним, а затем, распорем.

Иногда "на вырост" брали на несколько лет вперед. По принципу: вот закончит восьмилетку и поступит в техникум, тогда сразу и оденем его (или её) с ног до головы. Многие семьи приобретали "на перспективу" шубы, дубленки, шапки, махровые шарфы, сапоги, ботинки, туфли, кожаные перчатки и прочие атрибуты "одёжкинского шика".

К слову сказать, что хотя советская одежда была не очень элегантная, зато вполне добротная и ноская, оттого срок ее службы измерялся не сезонами, а годами. Люди ходили в одних и тех же жилетах и рубашках, комбинируя их то с куртками, то с пиджаками, наряжались в те же кофточки, платья и сарафаны. Срок службы пальто был никак не меньше десяти лет, а для шубы или кожаной кутки "времени годности" и вовсе не назначали. У них был "пожизненный срок" эксплуатации.

Когда из вещей вырастали или же появлялись новые, их

торжественно передавали младшим братьям и сестрам или дарили родне, а то и просто отдавали нуждающимся людям. Впрочем, нередко продавали через комиссионку. Иногда такая вещь "проживала" весьма длинную жизнь, проходя через руки множества владельцев.

Сегодня не все уже помнят, но очень часто конфликт поколений и стена непонимания между детьми и родителями проходила именно "по одёжке". Дело даже не в том, что юные из 70-х желали щеголять к клешах и нейлоновых рубашках, а в 80-е поголовно грезили дефицитными джинсами и кроссовками "от фирмы". Просто среди всеобщего благодушества подрастающее поколение в чем-то растеряло жизненные ориентиры, и система жизненных ценностей дала сбой. На вполне разумном и в общем-то прекрасном стремлении молодых людей хорошо выглядеть и модно одеваться расцвела отвратительная полукриминальная субкультура фарцовки…

Вот очки с бумажной фирмой —
Поскорей купи, надень.
Этой фирмой ты как ширмой
Отгорожен от людей.
Эти джинсы — лишь для принцев.
Приговор тебе готов:
Если ходишь ты без джинсов —
Значит, вовсе без штанов.

Не так давно об этом эффекте помешательства на "фирме" в 1970-80-е годы рассказывал некогда популярный певец. Он сожалел, что часто конфликтовал с отцом-фронтовиком из-за своих длинных волос, клешей и "модных шмоток". Почему? Сегодня он назвал себя того, из прошлых лет, "дураком". Прежде всего, потому что не слышал умудренного опытом родителя и за стремлением соответствовать моде, утрачивал главное, определяющее человеческую душу. С нескрываемой самоиронией популярный певец говорил, что в те годы он и его друзья мечтали о таком времени, когда смогут исполнять на эстраде репертуар их зарубежных кумиров, а вот сегодня их, уже 60-ти летних, кормят некогда недооцененные советские песни!

Действительно, время все расставляет на свои места. Некогда вожделенная одежда сегодня стала вполне доступна, а человечность и доброта стали куда дороже и в большом дефиците. Все-таки многократно прав наш мудрый народ, во все века утверждавший простую, оттого и непреходящую жизненную истину: "Не тело для одежды, но одежда для тела". И хотя

встречают по одежке, провожают все-таки по уму.

П — Пионерия

Торжественно украшенный зал. Одетые в белые рубашки десятилетки. Горят глаза, сердца колотятся в груди. У всех предвкушение чего-то значимого и особенного. Чувство настолько сильно, что обычно непоседливые дети стоят не переговариваясь. Вот раздаются звуки горна, и под барабанную дробь вносится красное знамя…

Затем гулким эхом разносятся по залу слова клятвы: "перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться…" И уже не помнишь, когда и как перед тобой появляется пионервожатая. Зачастую девчонка-студентка, но тогда казавшаяся такой взрослой и основательной, чтобы повязать отутюженный красный галстук. Так в жизнь каждого советского мальчишки и каждой советской девчонки приходила пионерия.

Спросите любого, чье детство прошло в 1960-70 годы: день принятия в пионеры много памятнее даже торжественных выпускных вечеров! Как бы смешно и наивно не показалось это сегодня, но тогда "принятие в ряды пионерской организации" было событием действительно волнующим…

Теперь, спустя десятилетия, одни вспоминают свое пионерское детство как бесконечную круговерть формальных мероприятий, простиравшихся от торжественных линеек до нескончаемого сбора металлолома. Другие говорят о незабываемых возможностях испытать себя, почувствовать взрослыми и значимыми, например, проявляя заботу о пожилых людях в отряде тимуровцев. Или рассказывают, как обнаружили свои таланты, возясь с "подшефными" малышами или выпуская стенгазету. Третьи ностальгируют о пионерских лагерях, фантастически насыщенная "дневная и сумеречная" жизнь которых подчас дала бы фору хваленому Хогвартсу вкупе с Гарри Поттером & Ко.

Вот и получается, несмотря на некоторую обезличенность самой пионерской организации, похожие воспоминания о том, как "был в пионерах" вряд ли сыщешь. Может это происходит потому, что одинаковым детство было только внешне, да на поверку люди оказались разными, оттого так неодинаково и видится прошлое. Впрочем, именно воспоминания самые беспристрастные оценщики и судьи человека. То, что мы старательно прячем внутри, со временем обязательно выходит наружу…

Так чем же была пионерия, если опустить проговоренные

много-много раз байки из нашего детства? Почему мы вспоминаем ее до сих пор, что она привнесла в нас, многие из которых сегодня уже сами стали дедушками и бабушками?

Тот, кто до сих пор считает, что пионерия была лишь инструментом политического воспитания детей, безнадежно застрял в постперестроечном времени. И повторяющие, словно мантру, ироничное "взвейтесь до развейтесь", недалеко ушли от булгаковского дурачка Иванушки Бездомного. Если бы это было действительно так, то большинство бывших советских детей оставались бы убежденными коммунистами до сей поры.

Пионерия в СССР была куда больше, чем детская политическая организация, она переросла и своих создателей, и пришедших им на смену идеологов, потому что незаметно для себя самой превратилась в настоящую школу жизни. Причем в самую первую, в которой все было исключительно всерьез.

Детей в пионеры принимали десяти лет от роду, в возрасте, когда и самые нечуткие сердца еще не покрылись коркой цинизма и лицемерия. Когда человечек только становится человеком и все еще смотрит на мир, как на чудо.

Как убеждала и вдохновляла нас тогда искренность и самоотверженность взрослых! Как оглушал формализм, как отталкивало начетничество!

Каждый выносил из своей пионерии то, что оказалось ему по силам, проявляя в себе те качества, которые более всего были свойственны его природе.

Юный барабанщик, юный барабанщик,
Он стучит, как сердце, — тук-тук-тук,
Поднимает флаги пионерский лагерь,
Юный барабанщик на посту.

Дальние дороги, близкие тревоги,
Заклубились тучи впереди.
Ты уже не мальчик, храбрый барабанщик,
Сверстников на подвиг выводи!

А вокруг кликуши, маленькие души,
И кричат и шепчут все они:
— Барабанщик старый, запасись гитарой,
Барабан не моден в наши дни…

Пионерская жизнь, занимавшая изрядную долю детского организованного времени, становилась и учебником, и семинаром, и практическим руководством постижения себя и

других людей. Только оказавшись лицом к лицу, не спрячешь от пристальных глаз ни хорошее, ни дурное, потому что коллектив просвечивает нутро как рентген.

Пионерский возраст длился всего ничего, с 10 до 14 лет, но за это время учил многому: быть неравнодушным, честным, открытым для людей. Бороться за правое дело. Понимать, что тебе все по силам. И быть достойным светлой памяти героев своей Родины.

Р — Робот

Советский человек был ярым приверженцем идей научно-технического прогресса. Поэтому свое будущее предпочитал связывать с триумфальным внедрением автоматизации и роботизации во все сферы хозяйства и жизни. Кнопки, тумблеры, мигающие лампочками пульты управления — в таком виде представлялось большинству научно-техническое завтра.

Истоки технического мировоззрения восходят к планам ГОЭЛРО и пятилеткам индустриализации, но для детских умов 1960-70х они, безусловно, связаны с эрой советской космонавтики. И если взрослые представляли будущее вариациями технократического гуманизма, то дети о "роботизированном завтра" попросту грезили. Совсем как герой Сережи Сыроежкина из популярнейшего фильма "Приключения Электроника". Помните песенку?

> До чего дошел прогресс! До невиданных чудес:
> Опустился на глубины и поднялся до небес.
> Позабыты хлопоты, остановлен бег,
> Вкалывают роботы, а не человек!
> До чего дошел прогресс! Труд физический исчез,
> Да и умственный заменит механический процесс…

На первый взгляд может показаться, что подобные мечты продиктованы обычным человеческим эгоизмом, стремлением переложить груз повседневных забот на безропотные механические плечи. Этакая реинкарнация идеи "скатерти самобранки" на научно-техническом базисе. Однако, советское понимание прогресса было куда более гуманистически глубоким сегодняшнего восприятия "модных девайсов и навороченных гаджетов". Да и у самых обычных, простых и незамысловатых людей тунеядцы и потребители никогда не вызывали симпатий, какими бы удачливыми они не были. Советский народ был действительно тружеником, привыкшим превозмогать невзгоды и добиваться благополучия своими руками.

Новые технологии воспринимались как возможности раскрыть собственные лучшие качества. Техника была всего лишь инструментом, благодаря которому советский человек исследует природу и творит новый мир, раздвигает границы, делая невозможное — возможным. Такой взгляд на науку и технику прививался десятилетиями целой плеядой выдающихся ученых,

испытателей, первопроходцев: Циолковским, Вернадским, Шмидтом, Чкаловым, Гагариным…

Оттого и советские роботы мыслились скорее как "братья по разуму", представая в образе друзей и помощников, непременно обладающих ранимой сущностью и высокими моральными принципами. Как чересчур человечный герой фильма "Его звали Роберт" (1967 год) или меланхоличный робот Вертер из "Гостьи из будущего" (1984 год).

Наши роботы в отличие от их андроидов и умных машин никогда не замышляли тотального истребления человечества, не использовали свои способности для того, чтобы "крошить плохих парней" и не жаждали превратиться в обладающего тотальным контролем "Большого брата". Они хотели стать людьми. И помогали окружающим найти под наносной шелухой бравады и эгоизма, лучшее в своей душе. Стать Человеком с большой буквы.

Теперь не доверяют, как прежде, чудесам.
На чудо не надейся, судьбой командуй сам.
Ведь ты — человек, ты и сильный и смелый.
Своими руками судьбу свою делай,
Иди против ветра, на месте не стой.
Пойми, не бывает дороги простой.

В "Приключениях Электроника" футуристический конфликт мировоззрений показан особенно остро. Поразительно, что именно в детском фильме была так однозначно проведена грань в понимании искусственного интеллекта и предназначении высоких технологий в судьбах человеческих у нас, в Советском Союзе, и у них, "за бугром". В осознании того, что техника не панацея цивилизации, а лишь лакмусовая бумажка самого общества…

Пытаясь завладеть уникальным роботом, глава гангстеров Стамп все время пытается понять, где же у Электроника спрятана кнопка, позволяющая использовать его как заблагорассудится.

Невдомек было хитрому "забугорному" главзлодею, что в отличие от их терминаторов и робокопов, у советских роботов такая кнопка попросту была не предусмотрена. Более того, она была социально и классово чужда. Потому что наши роботы программировались дружбой, а бесперебойным источником их питания были не литиевые батарейки, а человеческая доброта.

С — Столовая

Самым популярным, востребованным и общедоступным заведением в Советском Союзе была столовая. Многочисленность и разнообразие пунктов общественного питания были для того времени уникальными. По крайней мере, ни магазины, ни дома быта, ни даже дворцы культуры подобным многообразием похвастаться не могли.

В самом маленьком городке, или отдаленном городском районе на каждом углу располагались свои закусочные, пельменные, блинные, кафешки, но в большей части, не имевшие специализации "столовки" с оптимистичными названиями вроде "ветерок" или "молодость", а то и вовсе безымянные, под порядковым номером.

Каждый день "от рассвета до заката", к ним текли ручейки и потоки посетителей, а в больших и малых обеденных залах стояла ни с чем несравнимая какофония громыхающей посуды, оживленных голосов, стрекотания кассового аппарата и особое, едва доносящееся из глубин, урчание кухни. И если бы человек захотел исследовать бытовую сторону жизни 1960-70х годов, то ему без сомнения следовало бы безвылазно провести день в самой обычной столовой.

Сегодня может показаться удивительным, но в те времена люди шли в столовую не только за тем, чтобы поесть. Многие приходили из-за особенной, присущей только там атмосферы.

Дело вовсе не в изысканности или оригинальности интерьера и не в разнообразии меню. Всем этим советский общепит вовсе не блистал. Чем же тогда была так привлекательна столовая, которая манила к себе всех, от пионеров до пенсионеров?

Современному молодому человеку трудно понять очарование "простоты и массовости", которую порождала столовская суета. Потому что она совсем не похожа на толчею современную: холодную, раздраженную, замкнутую. Да и сам поход в столовую не сводился к простому "насыщению", и при всей своей поточности не превращался в конвейер механического поглощения пищи, не нес в себе идеологии фастфуда.

Чтобы пища была сбалансированной и здоровой, в СССР следили очень строго и повсеместно. Поэтому "типовой" обед был диетически весьма сбалансированным и выглядел примерно так: салат, первое, второе, десерт, компот или чай. По четвергам — обязательно рыбный день. С обязательным присутствием в меню множества овощных блюд.

Для того, чтобы вполне достойно отобедать, хватало рубля.

Впрочем, человек экономный вполне укладывался и в полтинник. Но в столовою шли не только для того, чтобы быстро перекусить, и не только в рабочий перерыв на обед.

Атмосфера советских столовых напоминала среднее между огромной коммунальной кухней и большой переменой на рабфаке. Обеденный зал становился местом, где встречаются люди хотя мало знакомые, но близкие по духу и стилю жизни. Разжиться свободным подносом, позаимствовать соль и перец, просто поболтать о насущном с незнакомцами, как с приятелями, было делом совершенно привычным. Советский человек отличался необыкновенной социальностью, он буквально нуждался быть в окружении других людей, чувствовать пульс коллективной жизни. Оттого старики, тоскуя по своей кипучей молодости, с удовольствием шли в столовую, не боясь постоять в очереди, пошутить с молодыми, а заодно запастись жизненным тонусом.

Поэзия в столовке заводской,
где щи кипят, где зреют макароны,
где ежедневно, как прибой морской,
ты переходишь в бой из обороны.

Здесь изучили всё за много лет,
попробовали всё и повидали,
от праздников и до военных бед…
И сыты были и недоедали.

В столовку заводскую, в дом ее,
поэзия, неси свое искусство:
здесь нужно откровение твое
не менее, чем мясо и капуста.

Такие совершенства обнаружь,
чтобы под стук подносов и ботинок
желудков жар и жар сердец и душ
вступали ежечасно в поединок.

Покуда правды жаждет род людской,
будь начеку, не допусти промашку,
встань во весь рост в столовке заводской,
поэзия, с душою нараспашку!

Сегодня, когда принято корчить "индивидуалистов", достаточно трудно прочувствовать, какое человеческое тепло мы

утратили в нелепой и несвойственной нам идеологии эгоцентризма. Мы многое подзабыли и во многом разуверились, но в душе все так же и остались добрыми и приличными, которые нуждаются в общении, в дружеских шутках, в мимолетных разговорах за столом с такими родными, хотя и незнакомыми людьми. Порою нам кажется, что еще немного, и мы проснемся от тяжелого сна, сделаем зарядку и непременно пойдем завтракать. В родную столовую.

Т — Телевизор

Прошедшую эпоху разглядеть всегда трудно, и уж тем более трудно понять, чем и как она жила. Потому что вещи совершенно обыденные для сегодняшнего ума, во "времена оны" имели совершенно иное значение, несопоставимое с современным.

Зато своеобразие эпохи предельно точно выражается своими песнями и формулируется написанными стихами. Прошедшее время всегда легче прочувствовать, если жизнь передавать художественными образами, чем пытаться говорить о ней на языке статистики. Потому что для статистики важен исключительно факт, а для понимания жизни крайне важна вся гамма эмоций и ощущений, возникших в результате того самого факта. И хотя факт "вещь крайне упрямая", жизнь может запросто вывернуть его наизнанку, придавая событиям и явлениям противоположное значение.

Прекрасной иллюстрацией тому служит старинная русская байка "Хорошо, да не очень", которая однажды начавшись, может и сама длиться до бесконечности, и толковать события и факты по усмотрению:

> "Встретились на дороге барин и мужик. Барин-то спрашивает мужика:
> — Куда ездил, мужик?
> — За покупкой дорогою, барин! За мерою гороха.
> — Вот это хорошо!
> — Хорошо, да не очень! Ехал да рассыпал.
> — Вот это плохо!
> — Плохо, да не очень! Рассыпал-то меру, а подгреб-то две!
> — Вот это хорошо!
> — Хорошо, да не очень! Посеял горох, да он редок.
> — Вот это плохо!
> — Плохо, да не очень! Хоть редок, да стручист!
> — Вот это хорошо!
> — Хорошо, да не очень…"

Многим еще памятны те времена, когда "посмотреть цветной телевизор" собирались и стар и мал, чуть ли не всем подъездом, по-соседски приходя в квартиру его счастливого обладателя. Так на несколько десятилетий незамысловатый телевизионный приёмник становится местом притяжения для всей семьи, объединявший (или разъединявший) людей в будни и по

праздникам, по многу часов ежедневно развлекая, просвещая, воспитывая и поучая их.

Врубаю первую — а там ныряют.
Ну, это так себе. А с двадцати —
"А ну-ка, девушки!" Что вытворяют!
И все — в передничках… С ума сойти!

Если в 20-е годы своеобразным выражением эпохи НЭПа стали слова из песни Леонида Утесова "У самовара я и моя Маша, а на дворе совсем уже темно", то с 1960-х, по замечанию поэта Андрея Вознесенского, досужее время граждан и гражданочек выражалось фразой: "Зачем они вдвоем сидят и в телевизоры глядят?"

Телемания наступила с массового появления телевизора как того самого долгожданного сказочного чуда, что в одночасье стало былью: "Играй, играй, блюдечко, катись, катись, яблочко: показывай поля, и моря, и широкие луга, и стрельбу, и пальбу, и гор красоту, и небес высоту!"

Телевизор воспринимался как черно-белое, а затем и цветное волшебство, с которым люди проводили напролет "дни и вечера". Самые "продвинутые" граждане объясняли всем остальным, каким образом двигающиеся картинки попадают на экран кинескопа. Большинство добросовестно слушало о достижениях "науки и техники" раскрыв рты, так ничего и не понимая.

Люди пожилые, особенно деревенские, относились к телевизорам настороженно, искренне считая, что через экран за ними могут "подслушивать и подглядывать". Поэтому когда телевизор не смотрели, старики зачастую завешивали его покрывалом, а наиболее скрытные даже надевали плотные чехлы. На всякий случай. Впрочем, когда телевизор "барахлил", они принимались его "увещевать" словом, или принимались колошматить кулаком, совсем как упрямую домашнюю скотинку.

Дети, напротив, липли к телевизорам как мухи, дословно понимая его как "окно в мир". Поэтому взрослым приходилось с трудом удерживать малышню "не забираться под крышку" в поисках волшебных предметов и крохотных человечков.

Телевизорами гордились, обязательно демонстрируя соседям, друзьям, родственникам, а то и сослуживцам новую и, разумеется, более совершенную модель, подробнейшим образом расписывая ее преимущества. Впрочем, современному взгляду эти различия вряд ли были бы и заметны, и понятны. Но тогда… телевизор был не только роскошью, а некой надеждой на будущее. Перефразируя известный лозунг, можно сказать, что

"самым важным домашним техническим изобретением для нас являлся телевизор".

Тогда люди еще безоговорочно принимали любую технику как чудо, которая просто обязана по самому факту своего происхождения, служить людям. Эта доверчивая вера добрых людей была сродни оптимистическому наиву Жюля Верна, полагавшего, что гуманизм и научно-технический прогресс идут рука об руку. Но это уже рассказ не о телевизорах эпохи СССР, а совсем о другой жизни, история совсем о других людях…

У — Управдом

Знает обо всем — но не участковый, все достает — но не снабженец, строит и ремонтирует — но не прораб, всем руководит — но не начальник, выдает справки — но не секретарь, объявляет благодарности и взыскания в стенгазете — но не профорг. Кто это такой? Правильно, конечно же, советский управдом!

Управдома нанимали ЖЭК, ЖЭУ или члены жилищно-строительного кооператива из числа жильцов. Нанимали, так сказать, не по образованию или профессии, а по жизненной смекалке, деловой хватке и соответствию требованиям политики партии.

Сегодня эта должность во многом утратила то сакраментальное значение, каким она наполнялась во времена СССР. Преемники советских управдомов в своем большинстве "хозяйственники" и "благоустройщики", а раньше они были самой настоящей общественно-политической "первичной ячейкой" по месту жительства. Принципы демократического централизма и социальной диалектики большинство "граждан-квартиросъемщиков" начинали усваивать на примере жизни собственного дома.

Жизнь советской многоэтажки была наполнена не только коммунальными заботами и хлопотами, но и представляла собой "весьма спаянный" коллектив жителей всех возрастов, интересов, профессий и прочих видов общественно-полезной деятельности. Многочисленные субботники по наведению порядка и украшению дворов, все мало-мальски значимые праздники, важные события для самих жильцов (свадьба, юбилеи, проводы в армию), организация концертов самодеятельности, досуга детей — все это и еще множество других не менее значимых забот лежало на плечах управдома. А как же иначе?

Родившимся в 90-е уже трудно представить, что сорок-пятьдесят лет назад свадьбы гуляли всем двором, да и не один день. Гуляли от души и частенько весьма шумно. Поэтому управдом, а не родители и новобрачные, должен был согласовать торжество с участковым и присматривать за общественным порядком, улаживая словом и авторитетом возникающие "непонятки".

С управдомом приходилось не просто считаться, но и постоянно иметь дело, то по необходимости получить характеристику или справку по месту жительства, то для прописки и выписки родственников, то по ремонту

электропроводки, текущих труб или замене дефицитной сантехники. Когда, казалось бы, неразрешимые насущные вопросы решались запросто толковым управдомом. В принципе, управдом имел право даже выдать справку "по семейным обстоятельствам", которая освобождала работника от прогула. Авторитетный управдом, организовав сознательных жильцов, мог взять проштрафившегося "на поруки" или на перевоспитание коллективом, и человек вместо колонии или ЛТП реально получал шанс "одуматься и исправиться"!

Незаменимость управдома была хорошо известна не только взрослым, но и детям. Наглядным тому подтверждением может послужить знаменитый детское стихотворение Сергея Михалкова "Мы с приятелем", повествующее о сорванцах, превративших многоэтажку в филиал зоопарка:

Управдом в постель ложится
И встает с нее дрожа:
На подушке не лежится —
Под подушкой два ежа!
Тащат в шапках инженеры
К управдому двух ужей,
А навстречу инженерам
Управдом несет ежей.
Пишет жалобу сосед:
"Никому покою нет!.."

Колоритные фигуры управдомов присутствовали в советском кинематографе. Много стоят персонажи Нонны Мордюковой из "Бриллиантовой руки" (1968 год) и Юрия Яковлева из неподражаемого "Иван Васильевич меняет профессию" (1973 год), чей сценарий, был написан по мотивам пьесы Булгакова. К слову говоря, Михаил Афанасьевич, будучи современником становления института советских управдомов, вывел целую сатирическую когорту "находчивых и предприимчивых" деятелей, которые, несмотря на все свои слабости и недостатки, обладают потрясающей притягательностью и колоритностью, становясь ярчайшими и самостоятельными персонажами его произведений. Лицом быта без ретуши.

Может именно поэтому "самый обаятельный и привлекательный" авантюрист всех времен Остап Бендер, подытоживая карьеру "великого комбинатора", философски заключает: "Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы". Впрочем, на этом поприще его тоже бы ожидало разочарование: люди

быстро отличали человека дела, от делающего вид фигляра. Не случайно же самой популярной советской поговоркой про управдома, было утверждение, что с хорошим управдомом — рай и в шалаше.

Ф — Фотоальбом

Самой дорогой, почитаемой и хранимой реликвией каждой советской семьи несомненно был фотоальбом. Как бы скромно ни жила семья, на него не жалели ни денег, ни времени, заботясь о распухших томах с таким же усердием, с каким предки относились разве что к предметам культа. В какой-то степени семейные альбомы заменили советскому человеку молитвенники: многим памятно с каким благоговением раскрывались эти огромные фолианты, как подолгу рассматривался каждый снимок, с каким трепетом переворачивались большие листы…

В строгом порядке, подобно старинному летописному своду, в альбоме рассказывалась история не только семьи, а всего рода, со всеми его многочисленными вариациями, коленами и биографиями. С непременным присутствием на его тяжелых листах не только "двоюродных и троюродных" братьев, сестер, дядей и тетей, но также и всей плохо классифицируемой родни, именуемой в народе "третьей водой на киселе". Это была поистине главная настольная генеалогия, не просто описывающая семейную историю, но и объясняющая законы бытия и правила жизни на житейских примерах собственной родни.

Зачастую это "повествование в снимках" велось с конца XIX или начала XX века, то есть с "эпохи предшествующей историческому материализму" и воспринимаемой не иначе, как "при царе Горохе". Такие "толстые", украшенные вензелями и царскими двуглавыми орлами фотографии, были особенной гордостью и даже некоторой претензией "на древность" своего семейного древа.

В те времена еще не было прозрачных пленок-файлов, поэтому фотографические снимки бережно пристраивались в специальным образом вырезанные уголки, а если фотографии были совсем уж нестандартной формы и конфигурации, то "прорези" делались самостоятельно, или же их попросту наклеивали на картонные страницы. Впрочем, фотографии приклеивали совсем уж в крайнем случае, потому как на обратной стороне снимка обычно содержалось очень много полезной информации, такой, когда, где кем и при каких обстоятельствах сделан снимок, а так же какие случайные или же неслучайные лица на нем присутствуют.

Оборотную сторону часто сопровождали дарственные надписи и даже "милые сердцу" послания. Ах, как будоражили воспоминания эти незатейливые, повторяющиеся от снимка к снимку слова: "На добрую вечную память о нашей дружбе".

Какими трогательными кажутся теперь претендующие на оригинальность, списанные под копирку с других фотографий, банальные наставления: "Не вспоминай, когда смотришь, а смотри тогда, когда вспомнишь".

Альбом с фотографиями не просто передавался из поколения в поколение, он был неким нравственным императивом, сохранять и пополнять который было делом не только приятным, но и обязательным. Собрание фотографий мыслилось тем самым следом, "посланием в будущее", которое остается для потомков. Залогом бессмертия, пока жив хоть кто-нибудь из общего рода… Поэтому за право получить "лучшие фотографии", с точки зрения семейной памяти, вспыхивали споры и ссоры, при этом мало кто довольствовался копиями, переснятыми с оригинала.

Ах, чего только не было с нами —
Первый шаг, первый класс, первый вальс.
Все, чего не расскажешь словами,
Фотографии скажут про нас.

Сколько всякого мы позабыли,
Сколько снова забудем потом.
Чтобы вспомнить, какими мы были,
Загляните в семейный альбом.

Все нам дорого — каждая малость,
Каждый миг в отдаленье любом.
Чтобы все это не потерялось,
Сохраните семейный альбом.

И летят за страницей страницы —
Наших дней верстовые столбы,
И в домашнем альбоме хранится
Фотокопия нашей судьбы.

Сколько раз она нас разлучала,
То улыбку дарила мельком.
Чтобы жизнь повторилась сначала,
Загляните в семейный альбом.

В эпоху обезличенного цифрового копирования для которого решающем критерием является исключительно качество, это малопонятно. Но тогда… В те времена "житейская подлинность" дорогого стоила. И каждое пятнышко, клякса, отметка приобретали иную смысловую нагрузку, рассказывая "своим" о

каком-то исключительном событии, понятном только для обладателей этого фотоснимка. В какой-то мере советское восприятие фотографий сродни отношения коллекционеров к антикварным вещам "с историей". Тогда, в эпоху подлинных и понятных ценностей, люди жили не обезличенной, клонированной жизнью, и многие стремились сохранить в памяти каждый штрих жизни, сделать его неповторимым и дорогим. Чтобы настоящее сохранилось навсегда!

X — Хлебушек

"Хлеб — всему голова. Хлеб — наше богатство", — так звучали не отвлеченные, невесть кем придуманные "ценности", так гласили в Советском Союзе выстраданные веками ценности народные.

Эти простые и, с годами жизни, очень понятные слова, тогда встречались повсюду: в столовой, гастрономе, на страницах газет, на информационных стендах. Величание хлеба было поистине самым распространенным неполитическим лозунгом.

Если современный исследователь попытался отыскать в СССР объект народного поклонения, то с легкостью бы обнаружил безграничное, глубинное, архетипическое поклонение Хлебу.

Не напрасно народ с давних пор и поныне
Хлеб насущный зовет самой первой святыней.
Золотые слова забывать мы не вправе:
"Хлеб всему голова!" — в поле, в доме, в державе!

Совсем не важно, в какой части Советского Союза "родился, учился и трудился" человек, насколько был близок или далек от сельского хозяйства, но о ежегодной "битве за урожай" и количестве собранных "центнеров с гектара" в этом году, а также в прочих годах текущей пятилетки он знал назубок. Потому что таким образом была устроена информационная жизнь: начиная с ежедневной программы "Время" и заканчивая обязательными еженедельными политинформациями по месту работы или учебы, сообщалось о самоотверженной работе советских хлеборобов.

Знание о собранных "тоннах зерна", как и выплавленных тоннах "чугуна и стали на душу населения", были последней соломинкой на многих экзаменах и зачетах. Потому что когда строгий преподаватель сомневался, то непременно спрашивал об этих понятных и общепринятых показателях роста советской экономики, в корне отличающих "человека с проблесками знаний" от полного разгильдяя.

Многие вполне искренне и с интересом следили за ходом посевной и уборочной компании, причем не менее пристально, чем нынешние любители футбола за результатами чемпионата мира. Люди старшего поколения напрямую связывали государственную стабильность с урожайностью, потому что живущих в Советском Союзе самой прочной и надежной валютой считался Хлеб. И уважение к хлеборобам было вполне искренним.

Мы, родившиеся в 1960-е, были поколением не знающим голода. Поколением, для которого хлеб не был желанным лакомством, а его избыток — признаком достатка. Поэтому мы удивленно таращили глаза при виде, как наши бабушки и дедушки осторожно смахивают со стола в ладонь хлебные крошки, как ласково и бережно берут в руки каждый отрезанный кусочек, как тщательно заворачивают оставшуюся краюшку, как искренне утверждают, что на свете ничего нет вкуснее Хлеба.

Детсадовскими малышами с интересом слушали непридуманные истории, как дедушки и бабушки, папы и мамы во время войны мечтали вдоволь поесть хлеба, или с каким восторгом приносили домой хлеб полученный "по карточкам", или, как на день рожденья мастерили из хлебных кусочков с толченной картошкой "хлебный торт"…

Мы слушали, но не понимали, почему они не бежали в булочные, ведь они на каждом углу и хлебушек в них стоит сущие копейки…

Изобилие хлебобулочных изделий было делом государственным и политическим, да и качество хлеба было превосходным. Потому что все продукты были тогда 100 % натуральными, а консервантами считались исключительно соль, сахар и уксус… Оттого самым распространенным способом "перекуса" у советской детворы был намазанный сливочным маслом кусок свежего батона и щедро посыпанный сахарным песком, или густо покрытый самодельным вареньем или джемом. Действительно, было очень вкусно и совершенно незазорно предложить подобное угощение пришедшим в гости друзьям!

Нас растили на уважении к Хлебу, прививая простую мысль, что человек, небрежно к нему относящийся, вряд ли заслуживает доверия сам. Наши старики и наши родители, многому зная цену и многое испытав и вынеся на своем хребте, говоря о Хлебе, учило гораздо большему, и наставляло о вещах более глубоких, чем теперь видится поверхностному интерактивному взгляду.

Через понимание ценности Хлеба мы учились постигать саму правду жизни, впитывали понятия, отличающие настоящего человека от существа человекообразного. Лишь спустя десятилетия и наше поколение наконец осознало, в каком неоплатном долгу мы были есть и будем перед нашими стариками за счастливое, безоблачное, построенное на вере в добро, справедливость и человеческое достоинство, советское детство.

И сегодня, из далекого 1976 года все еще звучит в наших сердцах замечательная песня, которая не просто навсегда останется с нами, но и лучше любого умника ответит на вопросы

кто мы, в чем наша сила и где наша правда.

Солдатской службы срок окончился уже,
Но с плеч шинель я все же не снимаю:
Стою среди хлебов на узенькой меже —
На верность полю присягаю!

Хлеба — налево, хлеба — направо,
Хлеба на счастье, хлеба на славу!
Бескрайних, спелых нив
Здесь ласковый разлив,
Здесь солнечных хлебов моих держава.

Ц — Цирк

Гимном жизни и счастья врывался в наши сердца "Цирк" знаменитого киномюзикла Александрова. Сначала с белых полотнищ экрана, а затем из мерцающих кинескопов черно-белых телевизоров. Даже в начале 1970-х "Цирк" был большим, чем талантливо снятое фееричное кино.

Похожий на добрую русскую сказку, сотканную из волшебства и силы духа, коварства и любви, неподкупной дружбы и счастья жить на родной земле, "Цирк" убеждал гордиться тем, что ты живешь в самой справедливой стране на Земле — Советском Союзе. Что наше, советское, всегда совершеннее и лучше "заграничных аналогов", и все "униженные и угнетенные" люди могут найти здесь огромную дружную семью, исчислимую миллионами!

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек…

Несмотря на то что фильму было уже изрядно много лет, он оставался по-прежнему любим всем поколениям советских телезрителей. Его действительно пересматривали десятки, а может, и сотни раз, а для кого-то он стал не просто знаменем советской эпохи, а частью семейной истории. Потому что именно "Цирк" считался у наших бабушек и дедушек, пап и мам лучшим фильмом для свиданий, а после "культпохода в кино" было так легко и естественно объясниться в любви и сделать предложение "создать советскую семью".

Еще одним откровением о "цирке и циркачах" для детворы стал замечательный фильм "Три толстяка" (1966 год) по одноименной книге Юрия Олеши.

По большому счету для тогдашних детей этот фильм, а затем и книга (именно в такой последовательности, хотя роман для детей был опубликован много раньше, в 1928 году) становятся подлинными учебниками жизни. Быть справедливым, сильным, если потребуется — рискованным и дерзким, служить людям, отстаивать справедливость…

С "младых ногтей" мы знали, что даже маленькая группа сильных и смелых, умных и благородных может перевернуть мир. Достаточно только встретиться оружейнику Просперо с

гимнастом Тибулом, доктору Гаспару поменять куклу на гимнастку Суок, чтобы им вместе внушить людям веру в самих себя! И когда нам было больно или обидно, мы держались изо всех сил, чтобы не заплакать, повторяя заветное книжное правило: "Люди, представляющие в цирке, не любят слез. Они слишком часто рискуют своей жизнью…"

Как же хотелось тогда нам, детям, испытать и проверить себя в настоящей борьбе, наказать зло своими руками, чтобы у сказки был счастливый конец для всех достойных людей!

В советском цирке, скрытно от посторонних глаз за яркими софитами и блестками мишуры, действительно боролись две яростные силы прошлого и будущего, своего и чужого, глубинного и наносного. Бессмысленного, но полного трюков и спецэффектов шоу, призванного развлекать и ужасать зевак и наполненного духом гуманизма театрализованного представления, пробуждающего в душах восхищение, гордость и сострадание.

Один цирк был перенесен в дореволюционную Россию под западную копирку, жестокости и бездушию которого было посвящено множество горьких строк русских писателей. Чего стоит созданный на реальной истории "Гуттаперчевый мальчик" (1883 год) Григоровича! Второй цирк, солнечный и светлый, родился из ярмарочных представлений, из святочных и масленичных народных гуляний, из потешных карнавалов Петра I, из театрализованных феерий, сопровождающих великие праздники по всей необъятной России!

Не потому ли этот водораздел так остро прошел и проявился именно в клоунаде, искусстве смешить и забавлять людей? Не случайно же говорили: "Посмотри на клоуна и узнаешь, чем дышит вся цирковая труппа".

Шут был вор: он воровал минуты —
Грустные минуты, тут и там, —
Грим, парик, другие атрибуты
Этот шут дарил другим шутам.

Ну а он, как будто в воду канув,
Вдруг при свете, нагло, в две руки
Крал тоску из внутренних карманов
Наших душ, одетых в пиджаки.

Мы потом смеялись обалдело,
Хлопали, ладони раздробя.
Он смешного ничего не делал —

Горе наше брал он на себя…

В советские годы, ввиду отсутствия иных представлений, цирк привлекал к себе все зрительское внимание, изголодавшееся "по ярким краскам и буйному действу". Тогда цирк никого не оставлял равнодушным: его любили или не переносили на дух, им восхищались или пренебрежительно относили к "низкому жанру", именовали искусством или же уничижительно называли зрелищем.

Но ни поклонники, ни критики цирка не задумывались о том, что он вобрал в себя само представление о чудесах, что по сути цирк является настоящим прототипом любого праздника. И все присутствующие в нем атрибуты, номера, сам ход представления как бы составляют разбитую тысячелетнюю копилку развлечений всех времен и народов, только приправленных национальными различиями. Оттого именно цирк в фильме-сказке "Старик Хоттабыч" (1956 год) становится точкой равновесия человеческой цивилизации, где пересекается настоящее с прошлым, чудеса происходят наяву, а невозможное воплощается благодаря ловкости рук, нехитрым приспособлениям и необыкновенному трудолюбию. Вот поэтому цирк и стал для советских детей той самой былью, которая и в будни была неотделима от праздника.

Ч — Чай

Много ли человеку надо для счастья? Разумеется, не для счастья всеобщего, высокоморального, о котором проповедовали русские классики, и чему учил "Моральный кодекс строителя коммунизма" (1961 год). Было бы уместнее спросить даже не счастье состоявшейся, удачно сложившейся жизни, а всего лишь о его маленьких бытовых проявлениях, из которых, собственно, и соткано повседневное полотно нашего бытия. Таких, как чистая, с накрахмаленным бельем, постель, удобная пижама, наброшенный на плечи шерстяной плед, мягкие войлочные тапочки, горячий и крепкий чай в граненом стакане и мельхиоровом подстаканнике, да несколько кусков рафинада…

Вот, каким виделся истинный комфорт и заслуженный покой повидавшему на своем веку старшему поколению. Этот великий бытовой минимализм учил нас, жадную до "сладостей и радостей" малышню, прикоснуться в этом немногом к "стержневым ценностям", ощутить некую правду жизни, которую способны понять только те, кто долгие годы переносил лишения, терпел нужду, страдал…

Мы замирали, наблюдая, с каким трепетом возятся старики заваривая чай, как старательно колют щипцами кусковой сахар, как бережно складывают его на блюдце горкой…

А потом, на внеклассном чтении, слушая взахлеб историю Вани Солнцева из знаменитой повести Валентина Катаева "Сын полка" (1944 год), мы понимали подлинную цену горячей кружки чая:

"У нас, у разведчиков, так положено: как покушаем, так сейчас же чай пить. Пьем, конечно, внакладку… Скоро в палатке появился большой медный чайник — предмет особенной гордости разведчиков, он же источник вечной зависти остальных батарейцев. Оказалось, что с сахаром разведчики действительно не считались. Молчаливый Биденко развязал свой вещевой мешок и положил на "Суворовский натиск" громадную горсть рафинада. Не успел Ваня и глазом мигнуть, как Горбунов бултыхнул в его кружку две большие грудки сахару, однако, заметив на лице мальчика выражение восторга, добултыхнул третью грудку. Знай, мол, нас, разведчиков!

Ваня схватил обеими руками жестяную кружку. Он даже зажмурился от наслаждения. Он чувствовал себя, как в необыкновенном, сказочном мире. Все вокруг было сказочно. И эта палатка, как бы освещенная солнцем среди пасмурного дня, и грохот близкого боя, и добрые великаны, кидающиеся горстями

рафинада, и обещанные ему все виды довольствия — вещевое, приварок, денежное, и даже слова "свиная тушенка", большими черными буквами напечатанные на кружке.

— Нравится? — спросил Горбунов, горделиво любуясь удовольствием, с которым мальчик тянул чай осторожно вытянутыми губами.

На этот вопрос Ваня даже не мог толково ответить. Губы его были заняты борьбой с чаем, горячим, как огонь. Сердце было полно бурной радости оттого, что он останется жить у разведчиков, у этих прекрасных людей, которые обещают его постричь, обмундировать, научить палить из автомата…"

От стариков узнали мы о лакомстве военной поры, который нет-нет, да и сегодня приготовим себе. Это так называемый "фронтовой бутерброд", когда к горячему сладкому и непременно крепчайшему чаю полагается большой квадрат хлеба, щедро намазанный сверху тушенкой. Старики говорили, что этим и подкрепиться хорошо можно, да и ушедших от нас помянуть негрешно…

После подобных военных историй, нам тоже чаепитие представлялось неким ритуалом с разговорами "за жизнь", и уж никак не сопоставлялось с поглощением бурой подслащенной жидкости за три копейки в школьном буфете. И мы, пацанята, с легкостью отличали на вкус "Краснодарский" от "ЉЬ 36", а "Грузинский" от "Индийского со слоном".

Несмотря на скудность ассортимента (иногда на прилавках появлялся даже "Китайский" или "Вьетнамский") чай в Советском Союзе был напитком самым популярным и, можно сказать, культовым. Потому что когда человека приглашали зайти "на чай", это могло значить все что угодно, в зависимости от того, как сложится ситуация. Хотя обычно подразумевалось, что непременно накормят обедом с обязательно роскошным десертом (профессия кондитера была в большом почете, а знакомство — в цене).

Однако, в советском чаепитии есть одна замечательная черта: по тому, каким чаем и как тебя угощали можно было сразу понять насколько ты дорог и уважаем этим человеком. Потому что для людей случайных никогда не заваривалась самая лучшая заварка, которую припасали "на случай", а попросту в старую, обычную доливался кипяток.

Именно чай, а не спиртное, которое распивалось "не в одно лицо, а для компании", являлся некой "лакмусовой бумажкой" душевного расположения. Не об этом ли писал тонкий знаток советской души, автор песен, ставших поистине народными, Михаил Исаковский:

Весна бушевала метелью черемух.
Сошлись мы с тобой невзначай.
В тяжёлых альбомах искали знакомых
И пили без сахара чай;

Читали стихи под мигающим светом,
Какие-то споры вели…
Мы оба любили. Но только об этом
Не смели сказать, не могли…

В те годы чашкой хорошего крепкого чая людям можно было многое выразить и без слов. Потому что слова приукрашали и обманывали, но в горячем дыхании обжигающего чая сердца собеседников раскрывались, таяли, раскрывая друг другу то, чего не умели высказать и объяснить.

Ш — Школа

В каждом из нашего детства есть что-то святое, превращающее обычных, простых жителей "городов и весей" в людей особенных, с большой буквы. То, что позволяет в дни испытаний и горестей, сделать правильный выбор.

Как порой мы уважаем себя за то, что и в обыденной, бытовой, вовсе не героической повседневной жизни, мы готовы совершать благородные поступки, а наши сердца способны зажигать в душах искренние слова! И что бы с нами ни происходило, мы знаем истину высокого звания — Человек.

Эту неоспоримую правду жизни мы усвоили с детских лет за школьными партами. Совершая ошибки, оступаясь на ровном месте, а порой и отрекаясь от своего прошлого, все-таки держим в памяти это знание о высоком человеческом достоинстве. О самих себе и о всех поколениях советских людей.

На этих высоких принципах строилась советская школа, в человечных основах строилась суть школьного воспитания, а вовсе не на механическом всеобуче и уж совсем не на стремлении "наштамповать кадры". Наши учителя стремились донести до незрелых умов мальчишек и девчонок, кем и каким должен быть настоящий советский Человек и почему следует жить так, чтобы потом не стало мучительно стыдно…

Ну а мы, дети 1960-70х, действительно считали школу вторым домом, в котором мудрые и всепонимающие учителя становились нашими опытными наставниками в учебе, проводниками в дружбе, неоспоримыми авторитетами в ежедневных ребячьих проблемах и спорах. У каждого из нас был тот самый учитель, к которому всегда можно придти за ответом или советом, рассказать о том, в чем и самому себе было тяжело признаться.

Советские учителя отдавали себя работе всецело, без лишних вопросов были готовы откликнуться в любое время. Потому что школьная жизнь не заключалась и не ограничивалась одними уроками, продленкой или формальными мероприятиями. Каждый учитель вкладывал в свою работу высший человеческий смысл, который был сродни подвижничеству. В такую беззаветную самоотдачу не только верили, по другому попросту не представляли свою жизнь.

Оттого все неразрешимые для детского ума вопросы бытия, будь то драка на перемене, случайно разбитое окно или муки первой любви, нам терпеливо объясняли, раскладывая по полочкам наших душ. Добро и зло для нас не были отвлеченными

философскими понятиями, они постигалось на ежедневных житейских примерах. Для многих поколений советских детей учителя были подлинными пастырями душ!

Нам казалось, что педагогами становятся люди особенные, наделенные от природы сверхчеловеческими талантами. Поэтому они не только знают обо всем на свете, но и в любой, даже самой безвыходной ситуации незамедлительно находят единственно верное решение.

Невдомек было шалопаям счастливого советского детства, какую цену платили наши учителя за своё ежедневное педагогическое служение…

Ах, как хочется теперь не писать о своих учителях возвышенные слова, а просто встать на колени и поклониться их светлой памяти. Потому что слишком многих уже нет на этом свете…

От центра в стороне, от центра в стороне стояла наша школа,
Плыл детства голубок, плыл детства голубок в заоблачных мирах.
По праздникам у нас, по праздникам у нас включалась радиола,
И танцевали мы, и танцевали мы на школьных вечерах.

В музей или в кино, в музей или в кино ходили мы всем классом,
И чья-нибудь беда, и чья-нибудь беда была — для всех беда.
Любой из нас не зря, любой из нас не зря друзьям с восторгом клялся,
Что школу позабыть, что школу позабыть не сможет никогда.

С ошибками порой, с ошибками порой диктанты мы писали,
И формул чехарда, и формул чехарда давалась нам с трудом.
Но только мы тогда, но только мы тогда ещё не знали сами,
Что детство вспоминать, что детство вспоминать захочется потом.

Школа, ты не старишься, никогда не старишься,

И шумят под окнами те же тополя.
Вечной дружбой связаны школьные товарищи,
Школьные товарищи и учителя.

У каждого из нас свои воспоминания о школе, свое неповторимое ощущение пройденных школьных лет, свое послевкусие растаявшего во времени советского детства. И вместе с тем они так похожи друг с другом, как уже выцветшие от времени глянцевые фотографии, на которых запечатлены такие светлые, чистые и открытые миру детские лица.

Щ — Щука

Советский народ верил в чудеса и сказки, как никакой другой народ на земле несмотря на все свое наукообразное мировоззрение и насаждаемый официально диалектический материализм. И стар и мал, от профессора до человека окончившего "три класса и восемь коридоров", уповали на справедливость и ждали чуда, подобно детям. Даже циники и скептики были, по меркам сегодняшнего дня, наивными простаками.

Может из-за этого своеобразного социального запроса на чудо, образ сказочной щуки был излюбленным в советском искусстве "от кинематографистов до юмористов". Щука из пруда учила уму-разуму, обустраивала жизнь, воплощала мечты не потому что герой был их достоин, а оттого что он человек хороший, да еще и вовремя ухвативший удачу за хвост.

Сказочную щуку любили куда больше Емелюшки-дурачка, которому хотя и симпатизировали, но в глубине души — завидовали. Потому что большинству время от времени приятно ощутить себя добродушными ленивыми увальнями, которым ни с того, ни с сего возьмет, да и улыбнется Судьба. Да так подфартит, что будет у тебя и дом хрустальный на горе, а под горой в пруду плавать белые лебеди, а над головой кружить падающие в ладони звезды. Вот это жизнь! Не жизнь, а сказка!

Кроме доброго сказочного "по щучьему велению, по моему хотению" или чудаковатого шолоховского деда-щукаря, в щучьем образе выразился существующий "в массах", хотя и неодобряемый "свыше" дух своеволия и даже хищничества всевозможных рвачей и хапуг. Он был так широко разлит по всем общественным слоям, что в пивнушках, восхищаясь или негодуя ставящим всех на уши чьим-то ловким фортелем, местные забулдыги многозначительно приговаривали: "щука знает свою науку".

Щука действительно "умеет мутить воду": любит встать на отмели и так взболтать хвостом донный ил, чтобы в поднявшейся круговерти хватать вся и всех, кто ей на зуб попадется. Сгодится и рыба, и лягушки, и змеи, и раки, и все водоплавающие животные. Впрочем, не побрезгует и уткой с гусем, если позволят собственные размеры и наглость, которой щуке не занимать.

Для массового сознания щука стала своеобразным образцом успеха и конкуренции в обществе, отрицавшем конкуренцию как принцип жизни. Соревнование — вот это по-советски, а конкуренция хотя объявлялась "классово чуждой", из жизни никуда не исчезала, только принимала иные, подчас хулиганские

формы.

В каждом дворе, в каждом ГПТУ и даже техникуме, был свой доморощенный заводила, не позволяющий окружающим просто "расслабиться и насладиться жизнью". Оттого отслужившие и возвращавшиеся на гражданку "дембеля" чувствовали себя этакими возвратившимися в свой пруд щуками, перед которыми неслужившие собратья воспринимались исключительно как "караси" и "щеглы". Кому довелось походить на танцы и дискотеки 1960-80х прекрасно поймут, о чем я говорю. Надо было видеть, какой походкой заходили вчерашние дембеля, с каким взглядом окидывали собравшихся, как подходили к приглянувшейся девчонке…

Впрочем, хищнический элемент в своем большинстве был чужд природе советского человека, и решительно пресекался на всех уровнях.

Его "частные случаи" объяснялись исключительно пережитками прошлого, несознательностью "отдельных лиц", и прописывался в общественном сознании совсем как антигерои знаменных советских комедий. Асоциальные Трус, Балбес, Бывалый, хулиганистый Верзила, криминальные махинаторы в лицах злобного Шефа, дебиловатого Лёлика или рафинированного Геннадия Козодоева, матерые уголовники Хмырь, Косой, Доцент — вот типичные портреты "советских бытовых щук", которых своевременно обезвреживал бдительный актив народной дружины совместно с милицейскими знатоками.

С детских лет нам пытались привить, по сегодняшнему времени наивный, но добрый и человечный взгляд на природу и на окружающий человеческий мир. Очень показателен наивный, но правильный и мудрый мультфильм "Осторожно, щука!" (1968 год), повествующий как маленькие, дружные бобрята сумели защитить себя от коварной речной хищницы и отстоять свой собственный дом, общими усилиями отвоевав право на счастливую и безопасную жизнь.

Мы воздвигаем создаем,
Мы строим чудо водоем —
Он будет самый, самый лучший.
И Мы даем, и мы даем
Назло, назло породе щучьей!

И над водой, и над водой,
И под водой, и под водой,
Бобры везде, везде известны
Своей душевной добротой

Своею бобростью телесной!

И нам бобрятам благодать
Не будет горя, ни напасти.
Мы будем щук сюда впускать
С большим намордником на пасти!

Идти со злою щукой в бой
Я понял, нужно всей семьей!
Вперед, вперед! Зовите трубы!
Еще вокруг немало щук,
А щука это, это — зубы!

Сколько бы лет ни прошло, но память о том, что "щука умирает, а зубы оголяет", осталась. И что добро только тогда чего-то стоит, когда оно в воде не тонет, в огне не горит, и медных труб — не страшится.

Ы — Операция "Ы" и другие приключения

"Нас ждут приключения!" — этот девиз, а может быть и жизненное кредо, был знаком девчонкам и мальчишкам не хуже официального пионерского клича: "Будь готов!"

Не лихими детективами, не умопомрачительной мистикой, не бросающими в дрожь ужасами, не зубодробящими боевиками, не замысловатыми шпионскими страстями, а именно жаждой приключений была без остатка заполнена душа советского ребенка. Потому что в приключениях были необходимые каждому советскому человеку испытания, позволяющие понять, кто ты есть на самом деле.

Приключения обещали верных друзей, с которыми любое дело по плечу, а горе не беда. И, наконец, приключения открывали пытливым умам огромный, прекрасный и неведомый мир, в котором так легко себя почувствовать и Христофором Колумбом, и Робинзоном Крузо, капитаном Немо. В крайнем случае, можно было бы стать и подобным героям "Неуловимых мстителей" (1966 год), обыкновенным подросткам, без страха вступающим в борьбу за дружбу и за счастье народное.

Кстати, в ту приключенческую эпоху выражение "счастье народное" не было ни расхожим клише, ни заезженным пропагандистским штампом.

В советский народ действительно верили все: одни горячо, другие — потому что так принято, третьи с кривой усмешкой или по долгу службы. Но в те годы эта вера была действительно способна на многое и творила чудеса. А кто осмеливался напрямую в ней усомниться, а уж тем более бросить ей вызов, то как минимум незамедлительно лишался своего тепленького начальственного места.

Советская жизнь действительно не баловала комфортом и бытовыми излишествами, не осыпала человека из рога изобилия, и уж тем паче не пресыщала его "ни морально, ни материально". Оттого большая часть приключений в жизни и в кино сводились совсем не к поискам сокровищ Флинта, и даже не к контрабанде бриллиантов в случайно загипсованной руке.

Они подстерегали человека в повседневной обыденности, в "быту и на производстве". Потому все советские приключения непроизвольно становились комедией, в высоком, философском значении этого слова. Неприглядные реалии как бы преломлялись сквозь призму комичности ситуации, и вот тогда серьезное, важное, быть может даже злое, вдруг обесценивалось и линяло до неузнаваемости под волшебной силой чистого и

искреннего смеха.

Сегодня уже трудно почувствовать, тем более еще сложнее понять, чем отличался смех советского человека, от смеха, скажем, жителя капиталистических стран. Несмотря на всю человеческую схожесть, в нем трудно было обнаружить ёрническую пошлость или столкнуться с гнусными намеками.

Советский смех был все-таки иным, нравственно и социально окрашенным, если угодно, обладал своей особенной идейностью, которая рождалась из коммунистических идеалов. И главным из них был постулат: "Человек человеку — друг, товарищ и брат!"

Пускаясь в бытовое, житейское приключение, наподобие историй о студенте Шурике из "Операция "Ы" (1965 год), мальчишки и девчонки ни на миг не могли предположить, что зло или несправедливость имеют над ними власть. Никто не имеет право унижать человеческое достоинство и посягать на социалистическую жизнь советского народа: будь то матерый уголовник, зарвавшийся чинуша или фашистский оккупант.

Каждый ребенок Страны Советов четко знал: рано или поздно правда обязательно восторжествует, злодеи будут наказаны, героям воздадут почести и жить станет еще лучше, и ещё веселее. Потому что даже в будущее всего человечества было принято смотреть с научным оптимизмом.

Там, в будущем, всех нас ожидало самое большое, самое невероятное, самое долгожданное приключение, нестерпимо ожидаемое всеми угнетенными, обманутыми и подвергаемыми нещадной эксплуатации народами планеты Земля. Впереди нас ждал Коммунизм.

От одной этой мысли жизнь советского ребенка переполнялась чувством гордости, ответственности и долга. Хотелось не просто стать лучше, а чтобы дела, и мысли и поступки были бы достойны этого всемирно-исторического призвания.

Мы были счастливы в своих неухоженных дворах и скромных, почти спартанских интерьерах пионерских лагерей и школ уже от одного чувства бесконечной и беспредельной перспективы.

Тогда, мой дорогой читатель, уже тогда день за днем мы проживали удивительное и невероятное путешествие в вечность. Наша жизнь соединялась с историей и судьбами всего человечества, и нашим мечтам не было предела. Подобно дням нашего детства они неслись, пытаясь догнать горизонт или хотя бы остановиться у той черты, на которой сливается Земля и Небо.

Медленно минуты уплывают вдаль,
Встречи с ними ты уже не жди,

И хотя нам прошлого немного жаль,
Лучшее, конечно, впереди.

Если ты обидел вдруг кого-то зря,
Календарь закроет этот лист.
Жить без приключений нам никак нельзя,
Эй, прибавь-ка ходу, машинист.

Скатертью, скатертью дальний путь стелется,
И упирается прямо в небосклон
Каждому, каждому в лучшее верится,
Катится, катится голубой вагон…

Э — Эскимо

Сладкая жизнь в СССР имела конкретное выражение в виде мороженного. Вершиной гастрономической "дольче виты", ее рафинированным проявлением было покрытое шоколадом, насаженное на палочку и завернутое в серебристую фольгу эскимо.

Странное, но со временем такое манящее и желанное название для миллионов лакомство, покорило Москву и Ленинград ещё в начале 1930х годов. Сначала это технологично приготовленное и упакованное мороженное называлось "эскимо-пай", или "эскимосский пирожок".

Своим появлением эскимо было обязано как развитию пищевой промышленности в СССР, так и претворяемым в жизнь принципам национальной политики, "продвигающим" культурное своеобразие национальных меньшинств в широкие массы. Со временем "эскимосский пирожок" забылся, а вот вкуснейшее эскимо и в самом деле продолжило свое триумфальное шествие в народ.

В Советском Союзе калории никто и никогда не считал, а показателем здоровья неизменно считалось прибавление в весе. Отчего мальчики и девочки "в теле" были скорее нормой, чем редкостью. Поэтому и польза от мороженного повсеместно превозносилась, дескать в нем исключительно все нужное организму: и молоко, и сливки, и сахар. Кушайте, дети, на здоровье, только не торопитесь и знайте меру — не то глазками моргнуть не успеете, как горлышко заболит и поднимется жар. Так что для совсем юных мороженое было желанным, но весьма дозированным лакомством.

Младшеклашки обычно спорили на эскимо или на лимонад "Буратино" (две свободно-конвертируемые детские валюты), а также дружно мечтали пойти работать на хладокомбинат, чтобы там каждый день объедаться мороженным. Счастливчики и вправду попадали туда на экскурсию, а потом их слушали раскрыв рты как людей побывавших на летающих тарелках инопланетян.

Зато ребята и девчата постарше ели мороженное без оглядки, сами себе доказывая наступавшую взрослость, с гордостью демонстрируя остальным наличие выпрошенных у родителей карманных денег.

Как будоражило умы фантастически вкусное эскимо! Изготовленное только из высококачественных натуральных продуктов, ароматное, тающее во рту, оно было приятно даже на

ощупь. Его можно было по особенному взять в руки, неспеша многозначительно пошуршать тончайшей алюминиевой оберткой, показать свою эрудицию, удивив познаниями о шоколадной глазури… Кстати, подарить на свидании эскимо "по форме" было нисколько не зазорнее преподнесения букета цветов, а вот "по содержанию" преимущество было неоспоримым!

В далекие 1970-е отношение к мороженному не было столь утилитарным, как сегодня. Тогда никому и в голову бы не пришло покупать его только во время летнего зноя. Мороженное ели для настроения и более полного ощущения счастья во все времена года, вне зависимости от погоды за окном. Плюс тридцать и минус тридцать совершенно не принимались в расчет и не связывались с решением "покупать или не покупать" эскимо. Конечно же, покупать, если так удачно сложилось, что в кармане завелась "лишняя" мелочевка, а в отделе "Соки-воды" или на углу у лоточницы оно есть в наличии!

Огни тогда сверкали, потрескивал мороз,
Торчал у продавщицы наружу только нос!
Она в громадных валенках, в тулупе и платке,
Всё жалобней и жалобней взывала на катке:

В продаже есть мороженое!
В стаканчики положенное!
Отличное! Клубничное!
В пакетике! В брикетике!
И даже, даже эскимо!

Пожалуй, не было другого продукта, с которым экспериментировали в таких массовых масштабах, как с мороженным. Конечно, оно само по себе было лакомством, но считалось особым шиком заявить на работе, или обронить в студенческой столовке, что ты предпочитаешь черный кофе "по-венски", с мороженным. И пускай такой способ употребления никак не соотносился со всем многообразием рецептов приготовления "кофе по-венски", эффект от такого упоминания неизменно оказывался положительным. Проходило несколько дней, как кто-нибудь из активных слушателей не преминул бултыхнуть мороженное в кофе и так же поделиться новыми ощущениями.

Великолепным и весьма распространенным десертом от пионеров до пенсионеров было разложенное по блюдечкам мороженное, которое затем щедро поливалось вареньем. Годилось абсолютно любое, от традиционной смородины, до

варева из одуванчиков или кабачков. Разумеется, и никакой день рождения не обходился без эскимо, которое непременно подавалось после чая с тортом, как бы негласно оповещая, что праздник окончен и пора расходиться.

Может поэтому мечта мультяшного крокодила Гены о "подарке в пятьсот эскимо" на самом деле было простым желанием иметь много друзей. Потому что дружба в те годы измерялась не в рублях, а в эскимо, которые раздавались даром и от всего сердца.

Ю — Юга

Переполненный скорый поезд, непрерывная какофония человеческих голосов и стука колес, раздуваемые ветром занавески вагонных окон, облепленные пассажирами крохотные плацкартные столики, на которых разложены прихваченные на дорожку домашние харчи. Ловко снующая проводница с разлитым в стаканы кипятком, предлагающая чайные пакетики и кусковой рафинад в фирменной бумажной обертке. Официантка из вагона-ресторана с передвижной тележкой, доверху забитой горячей едой на любой вкус и кошелек…

На редких остановках разогретые вагоны облепляющие окна продавцы вареной картошки с укропом или шастающие туда-сюда шумные цыганки, расхваливающие губную помаду, жевательную резинку и сувениры. Иногда в разгоряченное брюхо вагонов незаметно проскальзывали подозрительные типы, из-под полы предлагающие взрослым купить напечатанные на фотобумаге церковные календари, портреты Высоцкого, и особенно конфиденциально, строго мужчинам, демонстрирующие снимки девушек из контрабандных журналов…

Примерно так выглядела в летние месяцы дорога к морю для миллионов советских людей и на протяжении десятилетий ничто не могло её изменить. Не смотря на огромное количество ведомственных домов отдыха и профсоюзных санаториев и прочих курортных здравниц, большинство граждан предпочитало ехать на юг и отдыхать "дикарями", то есть самостоятельно.

Этот выбор заключался вовсе не в том, что путевку было трудно достать или возможно получить исключительно по блату и благорасположению начальства. Просто советский человек весьма ценил приватность и возможность распоряжаться временем своего летнего отдыха, как ему заблагорассудится. В санатории был жестко регламентированный режим и распорядок дня, процедуры, посещения по предъявлению документов и строго до одиннадцати вечера. Одним словом, рутина, скукотища, "пионерлагерь" для взрослых и никакого "переменного тока"! А так хотелось незабываемых впечатлений, "острых ощущений", романтических встреч и признаний в экзотических декорациях курортных городков, которые можно вспоминать и спустя годы. Совсем как в популярной курортной песне 1977 года:

Мы с вами, может быть,
Не повстречаемся.
Живём мы с вами в разных

Городах.
Но, всё равно,
Давайте не печалиться,
А вспоминать хотя бы иногда.

Южный берег, бархатный сезон,
Что поделать это был не сон.
Долгий вечер, море, тишина,
Наша встреча, двое и волна.
Этот вечер был всего один,
Утром поезд чей-то уходил,
А чуть позже чей-то самолёт,
Остальное это целый год.

Мы с вами, может быть,
Не повстречаемся.
Мы разошлись, как в море корабли.
Но, всё равно, они должны причаливать
Когда-нибудь у солнечной земли…

Те, чья юность, а не только детство, успела соприкоснуться с безмятежной беспечностью советских "югов", навсегда запомнят непередаваемую атмосферу непрекращавшегося праздника жизни и будет с нежностью вспоминать пеструю толчею в летних кафешках, очереди у чебуречных, аппаратов с газированной водой и бочек с квасом, забитые до отказа пляжи, укрытые незамысловатыми покрывалами и полотенцами, толстых дядь и тетей в нелепых панамках, детей, строящих у полосы прибоя песочные замки, мамочек с шаловливыми чадами, оккупировавших аттракционы в парках культуры, азартно "режущихся" в шахматы и домино пенсионеров, летние кинотеатры под открытым небом, сутки напролет крутящие "Фантомаса", танцевальные площадки, с непременно играющими и поющими вокально-инструментальными ансамблями, прогуливающиеся под луной парочки влюбленных…

Одного только не было в те достопамятные время — массового хищничества и плохо скрываемой всеобщей алчности. Потому что даже отбрасывая путы повседневного контроля и до самозабвения растворяясь в курортном мирке, люди все равно предпочитали оставаться сами собой.

Только спустя десятилетия понимаешь, насколько первозданно-чистым и наивным был тот мир по сравнению с нашим, даже несмотря на всю его видимую грязь, и по-детски

выпячиваемую наглость. Оттого-то советские юга невольно напоминают теперь Землю до Всемирного потопа…

Но тогда, возвращаясь со своего законного отпуска загорелыми и помолодевшими, люди ехали домой с легким сердцем. Кроме пары бутылок самодельного вина да корзинки фруктов, они везли на память о "теплых морях" нехитрые сувениры, фотографии, да собственноручно собранные ракушки, которым было суждено провести в забвении на антресолях многие годы…

Я и снова я

С детского сада и со школьной скамьи каждый советский ребенок знал, что "я — последняя буква в алфавите", и свою ценность она приобретает только в коллективе остальных букв. Потому что частное всего лишь отражение всеобщего, как миллионы капель вместе составляют одно великое море. Таков закон природы, в этом нерушимое правило и правда жизни.

Во времена перестройки такой разный, состоящий из множества народностей и племен, но единый в своей исторической судьбе советский народ, попытались разделить и дистиллировать. Чтобы вместо настоящей жизни мы довольствовались её искусственной имитацией. Чтобы соль наших душ выпарилась и потеряла свою просаливающую силу.

Чтобы место любви занял порок, чтобы дружбу заменил расчет, чтобы уважение сменилось угодничеством, чтобы смысл жизни измерялся исключительно в дензнаках, чтобы человеческое достоинство было бы и вовсе забыто, чтобы любовь к Родине считалась признаком неразвитого ума, чтобы дружба и уважение между людьми разных народов считались слабостью и подлостью, чтобы мы стыдились своей великой истории и считали жизнь предшествующих нам поколений пустой и никчемной. Чтобы зло почиталось нами за добро, а добро безоговорочно считалось злом.

Чтобы так не случилось окончательно и навсегда, "я", как часть общенародного "мы", решил составить собственную, а значит, и общую "Азбуку жизни", для всех "не рожденных в СССР" и знающих о той жизни исключительно "из басен", придуманных и растиражированных "заинтересованными лицами".

Сегодня забавно слушать, как люди 1982 или 85 года рождения с видом знатоков делятся своими воспоминаниями о жизни в СССР. Их слушают, им охотно верят. И ты чувствуешь от этих рассказов легкую оторопь, как от дурной фантастической книжки. Потому что в эти годы ты уже отучился в школе, успел начать трудовую биографию и пошел в армию. Ты отлично помнишь и понимаешь, что жизнь была не просто несколько, а совершенно другой, а рассказывающий о том, как "все было на самом деле", человек или "незнамши или соврамши". Так и хочется этим рассказчикам ответить словами песни:

Когда в далекие года
Кружил нас молодости ветер,
Вас просто не было тогда,
Вас просто не было на свете.

Буква за буквой я постарался разобрать из каких ингредиентов складывалась жизнь простых советских людей от мала до велика. Честно и по возможности объективно, я вспоминал, чем была наполнена жизнь моих родственников, друзей, однокашников, соседей и коллег, какие чувства будоражили души, чему радовались и о чем горевали, что загадывали на будущее. Говоря языком реалистической литературы, стремился изобразить "типические характеры в типических обстоятельствах", чтобы реальность тех лет советской жизни стала по ощущениям максимально достоверной и наглядной. Обладала, выражаясь современным языком, социальным 3D-эффектом.

Поэтому распространенные нелепые истории о "покажите мне людей, уверенных в завтрашнем дне", годятся исключительно либо для несозревших умом и не нюхавших настоящей жизни "детей перестройки", либо родившихся много после нее. Потому что мое поколение, успевшее отслужить в армии до эпохи горбачевских перемен, было весьма и весьма уверенно в своем сегодняшнем, и завтрашнем, и даже послезавтрашнем дне. Даже вопроса такого не стояло.

Кстати, большинство нормальных людей жило вполне себе счастливо и планировало жизнь не просто до пенсии, а намного дальше. Потому что советский человек искренне считал, что после выхода на заслуженный отдых настоящая жизнь только начинается!

И любовь к Родине была естественной потребностью души, а не мероприятием ради галочки. Мы искренне радовались, переживали и разделяли её судьбу. И написанная Робертом Рождественским песня "Родина моя", посвященная принятию Конституции СССР 1977 года, стала негласным народным гимном абсолютно естественным образом:

Я, ты, он, она,
Вместе — целая страна,
Вместе — дружная семья,
В слове "мы" — сто тысяч "я",
Большеглазых, озорных,
Черных, рыжих и льняных,
Грустных и веселых
В городах и селах.

Над тобою солнце светит,
Родина моя.

Ты прекрасней всех на свете,
Родина моя.
Я люблю, страна, твои просторы,
Я люблю твои поля и горы,
Сонные озера и бурлящие моря.

Над полями выгнет спину
Радуга-дуга.
Нам откроет сто тропинок
Синяя тайга.
Вновь настанет время спелых ягод,
А потом опять на землю лягут
Белые, огромные, роскошные снега,
Как будто праздник.

Будут на тебя звезды удивленно смотреть,
Будут над тобой добрые рассветы гореть вполнеба.
В синей вышине будут птицы радостно петь,
И будет песня звенеть над тобой в облаках
На крылатых твоих языках!

Каким бы наивным не считался этот порыв народного единства, для большинства советских людей он был честным и единственно морально возможным. В те годы многие позволяли себе искренность и открытость. И запросто говорили в глаза всё, что думали на самом деле.

Вместо Ъ и Ь знаков (послесловие)

Для меня Советский Союз был и останется навсегда страной вечного лета. Пускай географически и климатически он был в основном землей великого русского Севера, но теплота памяти, как и свет далекого детства, превращают его, индустриального гиганта, в по-летнему просторный и уютный дом. В страну, где каждый человек имел право и возможность строить свое личное счастье, считая при этом людей всех народов своей единой советской семьей. И чем меньше остается людей, вдохновленных этой прекрасной мечтой, чем меньше тех, кто проживал ее наяву, воплощая учебой и трудом, тем беднее и жиже становится почва под нашими ногами, тем тусклее и ниже над головами небеса нашего завтра…

Уважаемый читатель! Дорогой друг! Товарищ!

"Азбука жизни" задумывалась не как собрание документальных фактов, тем более она не претендует на роль энциклопедии жизни в Советском Союзе. Эта книга прежде всего дань памяти нашему общему прошлому, такому недавнему и, вместе с тем, уже такому далекому.

Собранные воедино заметки — подлинные ощущения той самой советской жизни, которые довелось прочувствовать обыкновенному ребенку, похожему на миллионы других. И отражают они ушедшую эпоху "не как надо" или "как велит время", а как взаправду жилось и чувствовалось. От всего сердца.

Сегодня все явственней видится наше доброе, человечное и совсем недавнее "вчера" и уже очевидным становится утверждение, что Советский Союз был подлинным миром, планетой в планете, уникальной и неповторимой цивилизацией, пытавшейся воплотить на основе русского мира мечту человечества о справедливости, равенстве и счастье для всех. Наш флаг, наш гимн, наш герб провозглашали всему миру знаменитый пушкинский девиз: "Да здравствует солнце, да скроется тьма!"

Если планеты гибнут, а миры уничтожают — то это кому-нибудь наверняка нужно и выгодно. И нам не стоит об этом забывать.

Флаг, переполненный огнем,
Цветущий, как заря.
И тонким золотом на нем
Три доблести горят:

То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взвивают над собой, —
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет, —
И проще в мире флага нет;
В нем — нашей славы жаркий цвет, —
И жарче в мире флага нет;
В нем — нашей силы грозный свет, —
Сильнее в мире флага нет;
В нем — правда наших красных лет, —
Правдивей флага нет!

"Азбука жизни" — это достоверная история о том, какими были, как жили, о чем думали, к чему стремились обыкновенные советские дети. Какой была их Родина — Советский Союз, как ощущали они свою страну, учась любить её не по учебникам, а проживая вместе с ней день за днем. Как верили они в свою советскую власть, ощущая себя неотъемлемой частью самого справедливого государства на Земле, самой большой и дружной семьей на свете с коротким и гордым названием СССР.